Бездушная

Автор:
Кира Стрельникова

Бездушная

Кира Стрельникова

Они – призраки. Их невозможно запомнить, их невозможно забыть. Кто рискнул посмотреть на одну из них дважды, умирает. Они не умеют любить, не умеют ненавидеть, не умеют радоваться. У них нет чувств. Они – совершенное оружие, убивающее надёжнее, чем кинжал, яд или магия. Их невозможно поймать. Они – Бездушные. Но их способности больше никому не нужны, и они не знают, что будет с ними дальше. Хотят ли они вернуть свою душу? Они не знают… У них нет желаний, нет чувств. За них всё решили другие. Они не верят, что их можно исцелить, потому что они – Бездушные. Убийцы чувств.

Они – призраки. Их невозможно запомнить, их невозможно забыть. Они не умеют любить, они не умеют ненавидеть, они не умеют радоваться. У них нет чувств. Они – совершенное оружие, которое убивает надёжнее, чем кинжал, яд или магия. Они – Бездушные. Но их способности больше никому не нужны, и они не знают, что будет с ними дальше. Хотят ли они вернуть свою душу? Они не знают… У них нет желаний, нет чувств. За них всё решили другие. Они не верят, что их можно исцелить, потому что они – Бездушные. Убийцы чувств.

ПРОЛОГ

– И что мы с ними будем делать? – тихо спросила высокая, изящная женщина с золотистыми волосами и ясными голубыми глазами, с жалостью глядя на стоявших чуть поодаль пленниц.

Их осталось всего десять, выживших после смерти хозяина, Собирателя Чувств. Десять Бездушных, не умеющих чувствовать, но умеющих убивать, забирая чувства у других. У них больше не было повелителя, которому можно отдать отнятые чувства, они перестали быть опасными, но как поступить с пленницами, никто пока не знал.

– Убить, – слово, произнесённое рыжеволосой женщиной с нахмуренными бровями и пронзительными чёрными глазами, тяжело упало в тишине.

Блондинка вздрогнула и метнула на неё встревоженный взгляд.

– Не надо, Злость, пожалуйста, – попросила она и сложила руки перед собой. – Они никому уже не причинят вреда…

– Они – убийцы, – перебила Злость и нахмурилась сильнее. – Радость, тебе всё равно их жалко?

– Они жертвы ненормального, решившего забрать у людей чувства, – Радость поджала губы. – Эти девушки тоже когда-то были обычными людьми, пока не попали в лапы Собирателя. Я всего лишь хочу им помочь.

– Я согласна с Радостью, – вперёд выступила ещё одна женщина, румяная, пышущая здоровьем, невысокая и пухленькая, с короткими каштановыми волосами, рассыпавшимися по плечам. – Им надо помочь.

– Как вы собираетесь помочь им?! – рядом со Злостью встала миниатюрная брюнетка, одетая во всё чёрное, её остренькое личико с резкими чертами можно было бы назвать миловидным, если бы не гримаса, исказившая его. – У них нет души и вернуть её им мы не в силах! Счастье, Радость, вы слишком мягкосердечные!

– А ты слишком категорична, Ненависть, – продолжила пухлая Счастье. – Я всё же за то, чтобы дать им шанс.

Ненависть фыркнула, резко развернулась и вышла из большого круглого зала, где проходило совещание. Сквозь узкие окна под самым потолком лились лучи света, в которых плясали золотистые пылинки, десять девушек в одинаковых

белых платьях по-прежнему стояли, не шевелясь и глядя перед собой равнодушными глазами. Они не пытались сбежать, не пытались возмущаться или как-то вмешаться в обсуждение своей дальнейшей судьбы. Они… ждали.

– Сделаем так, – с одного из кресел, стоявших полукругом, встала ещё одна женщина потрясающей красоты, с большими лучистыми серыми глазами и мягкой улыбкой, и подошла к остальным. – Дадим им возможность вернуться к нормальной жизни, пусть попробуют. Если не получится, будем решать, что делать. Отдадим их на перевоспитание, – она обвела внимательным взглядом пленниц.

– Кому? – с интересом переспросила Радость, покосившись на говорившую.

– Тем, кто помогал уничтожить их хозяина, – улыбка женщины стала шире. – Лордам Карателям. Думаю, они лучше всех справятся с задачей. По крайней мере, приложат все усилия.

Остальные Чувства переглянулись, и Счастье осторожно переспросила:

– Любовь, ты уверена? Как они будут их перевоспитывать?

Она посмотрела на собеседниц.

– Они научат их заново чувствовать, – просто пояснила Любовь и перевела взгляд на пленниц. – Зовите Карателей. Это лучший выход.

Спорить с ней никто не решился – во всём, что касалось чувств, Любовь ошибалась крайне редко, поскольку лучше других знала и понимала людей. Молча поклонившись, остальные женщины вышли, и Любовь осталась одна с Бездушными. Она медленно подошла к ним, вгляделась по очереди в бесстрастные лица и вздохнула, покачав головой.

– Бедные девочки, – прошептала Любовь. – Ничего, мы вас вылечим. Обязательно.

После чего она развернулась и подошла к своему креслу, ждать приглашённых лордов.

Глава 1

Я сидел на диване и смотрел на эту девушку, по виду не старше девятнадцати, и откровенно говоря, не знал, что делать. Научить её чувствовать? Странное задание, и прямо скажем, я не представлял, как это можно сделать. Мы сидели в гостиной моих покоев во Дворце Карателей на берегу озера Теаран, она – на самом краешке стула, в простом белом платье, сложив руки на коленях и глядя на меня необычными глазами ярко-зелёного цвета молодой листвы. От её неподвижного лица, на котором не проскальзывало ни одной эмоции, становилось слегка не по себе. Бездушная, одним словом.

– Как тебя зовут? – спросил наконец я, заметив, что она не притронулась к принесённому служанкой чаю с печеньем.

– Финира, – тихо ответила она, и голос у неё оказался на удивление приятный, певучий, только ровный, без оттенков.

Если бы в нём проскользнула хоть капля эмоций, подумалось мне, он заиграл бы, как драгоценный камень.

– Финира, значит, – я кивнул и отпил из чашки. – Ты помнишь свою жизнь до того, как… – я замялся, подбирая слова, а потом вспомнил, что она не умеет чувствовать и задеть её или обидеть неосторожным словом невозможно, и продолжил. – До того, как попала к Чувствам?

– Я забирала у людей их чувства, и они умирали, потому что с ними уходила и их душа, а люди не умеют без неё жить, – совершенно спокойно ответила Финира, я даже вздрогнул от её ровного голоса.

Она была красивой, с мужской точки зрения. Невысокая, с гибкой, стройной фигурой, которую простое белое платье только подчёркивало. Лиф мягко облегал полную грудь, вырез открывал лишь трогательную ямочку между ключицами. Длинные волосы чистого золотистого цвета заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо. Удлинённый овал лица, высокие скулы, чуть вздёрнутый носик и пухлые губы. Раскосые глаза этого невозможного зелёного

цвета с золотистыми крапинками, пушистые ресницы чуть темнее волос. На светлой коже лица словно кто-то рассыпал шоколадные крошки-веснушки, которые так и тянуло попробовать на вкус языком. Всё портило полное отсутствие эмоций на бесстрастном лице и в непроницаемых глазах. Вроде как с первого взгляда восхищаешься, а потом начинаешь понимать: что-то тут не так. Я задал следующий вопрос, не сводя с неё взгляда:

– Ты помнишь, как стала такой?

И она снова ответила спокойно, будто я спросил о какой-то ничего не значащей вещи:

– Помню. Он убил моего брата на моих глазах и забрал мои чувства и душу.

Признаться, я вздрогнул от бесстрастного признания, хотя нервы у меня крепкие. Не выдержал, встал и прошёлся по гостиной, засунув руки в карманы и искоса поглядывая на Финиру. Она же в ответ наблюдала за мной с потрясающим равнодушием. По-моему, нереально вернуть ей способность чувствовать. Как, скажите на милость?

– Финира – это твоё настоящее имя? – продолжил я расспросы, остановившись у открытого окна – лёгкий ветерок колыхал вышитую тюль на окне, принося запах воды и цветов.

– Так называл меня Хозяин, – послушно ответила она.

– А своё прежнее помнишь? – может, хоть её прошлое поможет мне.

– Нет, – так же спокойно произнесла Финира.

Я чуть не крякнул с досады. Что ж, ладно, придётся наведаться в архивы, куда свезли всё, найденное в башне Собирателя Чувств до того, как её разрушили, и поискать там. Наверняка там есть материалы по Бездушным. Но сначала – поговорить с кем-то из Чувств, зачем они это затеяли? Зачем мне бывшая идеальная убийца Собирателя? Как, чёрт возьми, научить её снова чувствовать? Нелепая затея, клянусь чем угодно.

Вздохнув, я взял со стола большой хрустальный колокольчик и позвонил. Усиленный магией звук разнёсся за пределами комнаты, и вскоре на пороге гостиной появилась моя экономка.

– Чего изволите, милорд? – с почтительным поклоном спросила она, бросив любопытный взгляд на Бездушную.

– Отведи девушку в покои на женской половине, пусть её накормят и переоденут, – отдал я распоряжение. – Её зовут Финира, и она… – запнулся, решая, признаваться или нет, кто такая моя новая гостья, и решил не создавать сложностей. Ей и так нелегко придётся с остальными женщинами из моего гарема. Подавил кривую усмешку и закончил. – Финира немного больна, так что, аккуратнее с ней. Я скоро вернусь, к обеду, наверное, – дождавшись кивка экономки Чали, обратился уже к Бездушной. – Иди с Чали, она поможет тебе освоиться, покажет, что где находится. Я скоро приду.

Финира никак не отреагировала на мои слова, только проводила меня взглядом, так и оставшись сидеть на стуле. Подавив раздражённый вздох, я направился в свои комнаты, переодеться для встречи с Чувствами. Они, конечно, не требуют соблюдения формальностей, но в домашних штанах и рубашке уж точно не стоит появляться в Соборе, там всё же посетители бывают. Я сменил одежду, одёрнул удлинённый жилет тёмно-серого цвета, украшенный сдержанной вышивкой чуть светлее, поправил тонкие кружева на манжетах и воротнике, окинул себя придирчивым взглядом. Зеркало отразило мужчину средних лет, с убранными в аккуратный хвост русыми волосами, приятным лицом, гладко выбритым подбородком и светло-карими, орехового цвета, глазами. Почему-то женщины считали меня привлекательным и мужественным, хотя как по мне, так обычная внешность, не лучше и не хуже остальных. Разве что, серебристая татуировка, выходившая из-за ворота рубашки и прихотливо извивавшаяся по шее, выделяла меня из остальных. Знак Карателя, рисунок, украшавший мою кожу с рождения.

Тряхнув головой, я развернулся и вышел из своей спальни, по длинному коридору направившись к выходу из Дворца. Нас было всего десять, но этого было достаточно на такой большой город, как Феир. Работы хватало, однако не так уж, чтобы мы без перерыва выезжали по заданиям. И слава эфиру, потому как часто избавляться от излишков чужих чувств мне не нравилось. Слишком уж специфический процесс, и увы, альтернатива не лучше. Поморщившись на ходу, я ступил на тонкий ажурный мостик, соединявший Дворец и Собор, невольно с

восхищением окинув открывшуюся панораму. Феир стоял на берегу большого озера Теаран, и не просто на берегу – озеро являлось центром города, его сердцем. А Феир – столицей Дорсании. Сердцем же страны был Собор Чувств, стоявший на небольшом острове в середине озера. Воздушный, кружевной, словно сотканный из тумана, хрустальных нитей и осколков радуги, он казался порождением чьего-то сна, нереальной сказкой. Витые полупрозрачные шпили, сиявшие под солнцем, ажурные стены, разноцветные витражи, винтовые лестницы – всё казалось хрупким и ненастоящим, готовым вот-вот растаять под ногами. Но нет, Собор был вполне материален, и я любил бродить по нему, когда мне требовалось подумать или просто дать душе отдых.

Здесь жили Чувства, те, кому служили Каратели и поклонялись люди, кто присматривал за нами и порядком. Здесь проводились торжественные церемонии на главные праздники, здесь молодых Карателей посвящали на служение Чувствам, здесь же и выбирали им девушек в гарем… Я поспешно отогнал невесёлые мысли и сосредоточился на цели: поговорить с Любовью, она была негласной старшей среди остальных, к ней прислушивались, и она принимала окончательное решение по спорным вопросам. Готов спорить на что угодно, решение по оставшимся в живых Бездушным принимала тоже она. Вот и поспрашиваю, как она вообще себе видит выполнение этого специфического задания.

Я ступил на дорожку, выложенную гладкими полупрозрачными камушками, похожими на лунный камень, и через несколько минут перешагнул порог Собора. Главный зал начинался сразу за ним, и отсюда уже расходились коридоры и переходы дальше, и здесь же стояли кресла, на которых обычно восседали Чувства. Причём как-то так получалось, что каждое из них всегда знало, к кому пришёл посетитель. Вот и сейчас Любовь меня уже ждала, неторопливо прогуливаясь по выложенному мозаикой из драгоценных камней полу. На её красивом лице поселилась задумчивая улыбка, карамельного цвета локоны окутывали плечи и спину, вызывая желание прикоснуться к ним, ощутить под пальцами шелковистость. Простое платье приятного лавандового оттенка очень шло ей, и я невольно залюбовался. Истинное воплощение чувства, от неё невозможно было оторвать взгляд, и в душе воцарялось умиротворение. Только сейчас я пришёл поговорить о серьёзном деле.

– Аллард, здравствуй, – Любовь повернулась ко мне, её голос звучал мягко, негромко. – Что ты хочешь спросить?

– Что мне делать с этой Финирой? – не стал я ходить вокруг да около, остановившись рядом и скрестив руки на груди. – Как вернуть ей способность чувствовать? И зачем это вообще делать? – я нахмурился.

Улыбка Любви стала шире.

– Я верю в тебя, Аллард, – спокойно отозвалась она. – У тебя получится. Как, – женщина помолчала, её взгляд стал на несколько мгновений отсутствующим. – Положись на чутьё, – дала она совершенно бесполезный совет. – Покажи ей другую жизнь, без смерти, жестокости и насилия. Покажи, что чувства можно не только забирать, но и отдавать, – Любовь внимательно посмотрела на мою обескураженную физиономию. – Научи её заново быть человеком, Ал.

Я моргнул, пытаясь осмыслить. Научить Финиру быть человеком?.. Час от часу не легче.

– Может, проще было их уничтожить всех? – пробормотал я, подавив вздох.

Ясно, что прямых подсказок мне не дадут, и придётся действительно импровизировать. Любовь нахмурила идеально очерченные брови.

– Проще всего уничтожить, Аллард, – немного резко ответила она. – И гораздо сложнее начать сначала, особенно когда всё потерял. Эта девочка потеряла всё кроме своей жизни, ей всего девятнадцать, и она не помнит ничего кроме страданий и смерти. Финира не помнит своего прошлого, она не знает, что ждёт её в будущем. Она заслужила шанс, – твёрдо произнесла Любовь. – И я дам его ей и её сёстрам по несчастью. Я могу положиться на тебя, Аллард? – она внимательно посмотрела мне в глаза.

Когда женщина так на тебя смотрит, с надеждой и верой в то, что ты в самом деле самый сильный и сможешь справиться со всеми сложностями, отказать невозможно. Я склонил голову.

– Конечно, госпожа. Я постараюсь приложить все усилия, – ответил, в этот момент и в самом деле поверив своим словам.

Что ж, мне всегда нравились сложные задачи, а в последнее время, как мы справились с Собирателем Чувств и наступила тишь да благодать, я, признаться, заскучал. Даже по работе нечасто приходилось покидать Дворец и отправляться в город, на людей снизошла благодать, и они не разбрасывались чувствами, ещё помня, как легко Бездушные могли их отнять.

– Спасибо, Ал, – тепло улыбнулась Любовь, морщинка на её лбу разгладилась. – Если что, приходи, я всегда готова поговорить с тобой. И Финиру приводи, – добавила она после едва заметной паузы.

– Спасибо за разговор, госпожа, – поблагодарил я, ещё раз поклонился и пошёл обратно к выходу.

Итак, чётких указаний нет, значит, наведаюсь в архив. Признаться, с момента, как бумаги Собирателя перевезли туда, чтобы изучить и в дальнейшем избежать повторения того кошмара, я в них не заглядывал. Не хотелось копаться в этой грязи. Кто-то из Карателей, может, и заходил, листал, но меня не тянуло. Однако с этим заданием Любви придётся всё же изучить материал, вдруг о прошлом Финиры ещё узнаю, это пригодится в нашем с ней общении. Может, ещё девушки из гарема помогут, они на самом деле добрые, хотя у каждой своя изюминка в характере, связанная как раз со способностью забирать у меня излишки чужих Чувств. Хорошо, их у меня всего четыре, а не полный набор, как у того же Риммера. И как он справляется с ними? Покачав головой, я вздохнул, очнулся от размышлений и обнаружил, что уже прошёл весь мост и снова оказался во Дворце Карателей. Так, теперь архив.

Однако далеко уйти я не успел, меня окликнул знакомый весёлый голос:

– Эй, Ал! Привет, в Собор ходил? – Корхилл, мой старинный друг, догнал и пошёл рядом, глянув на меня с широкой улыбкой. – Тебе тоже дали на перевоспитание малышку Бездушную, да?

– Дали, – я вздохнул и поморщился. – Только в Соборе ничего толком не сказали, что с ней делать. Мол, пробуди хоть какие-то чувства, остальное само придёт.

– Ха, – Кор озадаченно почесал в затылке. – Легко сказать, знаешь ли, пробудить чувства, – протянул он. – Моя так вообще, камни и то имеют больше эмоций, мне кажется. Знаешь, если честно, я её даже слегка побаиваюсь, – Корхилл

поёжился, улыбка пропала с его лица. – Она, конечно, миленькая очень, брюнеточка, изящная вся, мне нравятся такие женщины, но, эфир меня побери, как к ней подступиться? Как посмотрит своими пустыми глазищами, так у меня вся охота отпадает, – Кор грустно вздохнул. – Ты куда сейчас? – он резко переменил тему.

– В архив, покопаюсь в записях, вдруг найду что-нибудь полезное, – ответил я задумчиво. – Надо всё-таки выполнить просьбу Чувств.

– Будешь искать подход к своей? – понятливо кивнул Корхилл. – Поделишься, если найдёшь что-нибудь?

– Конечно, – я улыбнулся другу и хлопнул по плечу. – Ты тоже, если вдруг подвижки будут.

– Ага, – Кор снова поморщился. – Только, мне кажется, у тебя быстрее выйдет.

– А у тебя опыта больше по общению с женщинами, – поддел я его с усмешкой – Корхилл слыл любителем женского общества, попросту бабником.

Внешность записного рокового красавца с жгучей чёрной шевелюрой, шальными зелёными глазами и обаятельной улыбкой сражала дам наповал, и у него недостатка в них никогда не наблюдалось. И что удивительно, расставался со своими дамами Кор всегда добром, обиженных он за собой не оставлял. Редкое качество, иногда я даже завидовал. Мне вон даже со своим гаремом проблем хватало.

– Весь мой опыт разбивается о полное равнодушие этой куколки, – расстроенно вздохнул Корхилл. – Ну да ладно, будем стараться.

Мы распрощались и разошлись каждый по своим покоям – я хотел перед походом в архив проверить, как устроилась Финира. Однако, когда зашёл в общую гостиную, понял, что архив откладывается: на столике лежал одинокий листок, и я знал, что там написано. Новое задание. Об этом говорил золотистый шнурок с печатью, послание от кого-то из Чувств. Настроение упало, я нахмурился и подошёл к столу. Гораздо чаще Карателей вызывали, чтобы забирать плохое – горе, отчаяние, злость, ненависть, ревность. И очень редко – любовь, например. Как ни странно, её тоже может быть в избытке, и она перерастает в

болезненную манию, но мне к сожалению в этом смысле особо не везло. Я взял лист и прочитал, к кому мне предстояло отправиться на сей раз. «Аира Земори, вдова, никак не может оправиться после смерти мужа». Дальше адрес, и вместо подписи – три слезы в терновом венке. Ну что я говорил? Предстоит забрать горе безутешной женщины, чтобы она могла жить дальше. А потом идти к Рахине…

Тряхнув головой, я поспешил к себе в очередной раз переодеться. Да, у Карателей была форма, так полагалось для солидности, и чтобы нас сразу узнавали, татуировку-то не каждый разглядит, тем более, она не на таком уж видном месте. Тёмно-серые штаны и куртка без украшений, отделанные лишь узкой серебряной лентой по краям, такого же цвета рубашка из шёлка, и короткий меч – на всякий случай, оружие в руках я, естественно, держать умел. Далеко не везде в Феире хватало моей татуировки, всякое могло случиться. Хорошо, после уничтожения Собирателя мне редко приходилось доставать его из ножен. Бросив на себя последний хмурый взгляд в зеркало, я вышел из спальни. Пришла пора исполнять свой долг.

Взяв в конюшне Дворца свою виpессу – серебристую тонконогую красавицу с пышной гривой и хвостом, я поехал по адресу. Феир жил своей жизнью: по узким улочкам и широким проспектам спешили по делам люди, прогуливались знатные господа, ехали всадники и несли портшезы. Благоухали цветы на балконах и окнах, в садах и скверах, журчали фонтаны, даря свежесть в этот жаркий день. На одной из площадей, через которую лежал мой путь, вовсю шумел рынок, раздавались выкрики зазывал, громкие голоса торгующихся, всё вокруг пестрело яркими красками и блестело дешёвыми драгоценностями и побрякушками. Я ехал, наблюдая словно со стороны и чувствуя себя странно чужим здесь – меня узнавали по форме, расступались и почтительно кланялись, провожали уважительно-опасливыми взглядами. Я ведь мог не только приносить облегчение, забирая плохие чувства, мешавшие людям жить. Я мог и карать по приказу Чувств за преступления, совершённые из-за ревности, любви, злости, ненависти… Полным отнятием чувств. После этого долго не жили, ведь по сути, после этого человек терял душу, а без души не жизнь – существование.

Мои мысли свернули на Финиру, Бездушную, прямое исключение из этого правила. После смерти Собирающего выжила только она и ещё девять девушек, как я знал. Как ей это удалось? Не знаю. Но она в моих покоях, ждёт моего возвращения. Или не ждёт? Если она не умеет чувствовать?.. Я тряхнул головой, избавляясь от беспокойных мыслей. С одной стороны, не думаю, что меня как-то накажут, если не получится с Финирой, скорее всего, девушку просто

уничтожат, как и остальных Бездушных. С другой… Хоть она и страшное оружие в прошлом, она – человек. Причём, с искалеченной судьбой и жизнью, и Любовь права: ей всего девятнадцать, она заслуживает, чтобы попробовать начать жизнь заново. Значит, я приложу все усилия, чтобы выполнить столь необычное задание.

За раздумьями не заметил, как приехал по нужному адресу. Скромный двухэтажный дом с балконом в квартале торговцев и купцов. Вокруг бурлила жизнь, а он… как будто спал. Окна закрыты, цветов нет, и мне даже показалось, внутри тоже никого живого нет. Я спешился, привязал вирессу и поднялся по ступенькам к крыльцу, взялся за дверной молоток и громко стукнул по латунной пластине, казалось, тоже потускневшей от царившего за дверью горя. Я уже его чувствовал, хотя и не зашёл внутрь. Сильно, должно быть, любила эта женщина своего мужа, раз настолько безутешна. Как ни странно, открыли мне быстро, словно ждали. Немолодая экономка в простом светлом платье, в знак траура – повязанная чёрным платком голова. Она посмотрела на меня грустными глазами, и в них вспыхнула надежда.

– Господин Каратель, – почтительно поклонилась она и посторонилась. – Проходите, как же хорошо, что вы пришли! – в её голосе слышалась сдержанная радость и облегчение. – Я – Валлина, экономка госпожи Аиры. Она в спальне, – на лице женщины снова отразилась печаль. – Она уже неделю не выходит оттуда… И почти ничего не ест.

– Проводите меня к ней, – я переступил порог полутёмного холла и огляделся.

На стенах висели сухие букеты – наверное, ещё с похорон. Картины закрыты чёрным бархатом, и даже позолоченные светильники лишь тускло отсвечивали, словно тоже скорбя с хозяйкой. Ох. Чувствую, много забрать придётся, и часом в обществе Рахины не отделаюсь. Подавив досаду, я поднялся вслед за экономкой на второй этаж по деревянной лестнице и свернул в короткий коридор с несколькими дверьми. Валлина провела меня к самой последней и осторожно постучала.

– Госпожа Аира, к вам пришли, – произнесла она, прислушиваясь.

Из-за двери не донеслось ни звука. Экономка уже подняла руку, чтобы снова постучать, но я остановил её, перехватив ладонь женщины.

– Позвольте мне, – мягко произнёс я и толкнул не запертую дверь спальни.

Окна были задёрнуты плотными шторами, создавая полумрак. Тяжёлый, застоявшийся воздух наполнен сладковатым ароматом благовоний. На тумбочке около кровати горели две толстые свечи, и судя по скопившемуся оплавленному воску, горели они давно. За ними стоял портрет молодого симпатичного мужчины с широкой, открытой улыбкой. Полагаю, усопший во времена молодости. На застеленной покрывалом из простёганого чёрного шёлка лежала женщина средних лет, тоже во всём чёрном. Наверное, она была ещё не старой, но морщины горя избороздили лицо, сделав его почти старушечьим. Тусклые, растрёпанные волосы в беспорядке разметались по подушке, тёмные пряди падали на лицо, делая его ещё старше. Потухший, остановившийся взгляд был направлен на портрет. В пальцах женщина судорожно сжимала носовой платок, надо понимать, насквозь мокрый от слёз. Я едва удержал бесстрастное выражение лица, в груди болезненно сдавило, и к горлу подступил ком, настолько сильно ощущалось здесь Горе.

– Госпожа, – негромко произнёс я и подошёл к кровати, опустившись на неё. – Вы слышите меня?

Аира лишь перевела на меня взгляд безжизненных глаз, а увидев, кто к ней пожаловал, встрепенулась, хотела что-то сказать, но я уже приступил к работе: обхватил пальцами её запястье, впустив чувства женщины в себя. Наверное, она считала, что грустить по мужу – это нормально, и таким образом она чтит его память. Может быть, она вскоре бы умерла сама от тоски по нему, но Чувства решили по-другому, что ей ещё жить дальше, и возможно, даже через какое-то время получить второй шанс снова стать счастливой. Не знаю. Знаю только, что мне надо забрать у неё то, что мешало Аире отпустить смерть мужа, и в меня хлынули вся её боль, печаль и отчаяние, одиночество. Стиснув зубы, я терпел, ощущая, как горячо пульсирует татуировка, впитывая чужие переживания, а зрачки Аиры расширялись всё больше, и рот приоткрылся. Она замерла, как беспомощный зверёк, во взгляде мелькнула растерянность, а рука под моими пальцами дрогнула. Её губы шевельнулись, и мне показалось, Аира хотела сказать «не надо». Наверное, она боялась жить дальше сама, одна, поэтому и спряталась в своём горе, как в коконе, но ей придётся выйти за порог дома и осознать, что жизнь не закончилась, что люди умирают, так уж положено Мирозданием, и мы все теряем близких, рано или поздно. Я забрал лишь то, что мешало, оставив Аире только светлую печать по ушедшему, и она вскоре сама поймёт, что муж бы порадовался, видя её счастливой, а не убитой горем. Чувства

следили за тем, чтобы в людях оставалось равновесие, и лишние переживания не нарушали внутренней гармонии, не мешали им жить и не толкали на безумные, а зачастую и страшные поступки. Ведь и от неразделённой любви можно сойти с ума и совершить непоправимое…

Всё закончилось внезапно, поток оборвался, и я убрал руку. Мир вокруг словно подёрнулся серой дымкой, окружающее дрожало и плыло перед глазами, а во рту стояла горечь. Чужие чувства давили изнутри, требовали выхода, и мне следовало поторопиться во Дворец. Много же скопилось в этой Аире, недаром сейчас она выглядела лет на пять моложе, чем когда я зашёл в эту спальню.

– Вам следует привести себя в порядок и поесть, госпожа, – с трудом выговорил я и поднялся, стараясь не шататься.

– Да… конечно… – растерянно отозвалась Аира шёпотом и приподнялась на кровати.

Я развернулся и направился к выходу, делая ровные, глубокие вдохи. В голове немного прояснилось, и сил должно хватить, чтобы добраться до Дворца и Рахины. Сам с таким количеством печали и горя точно не справлюсь. Выйдя из спальни, я посмотрел на Валлину.

– Она пришла в себя, – ровно произнёс я, скрывая, в каком состоянии сам нахожусь.

Незачем простым людям знать, чего стоит Карателям забирать чужие чувства. И хорошо, это оказалась Печаль, а не что похуже. После ревности или ненависти корёжит раза в два сильнее, даже если заберёшь не так много, как сейчас, и хорошо, что контролировать себя нас учат ещё со школы, это входит в обязательную программу обучения будущих Карателей. Экономка юркнула в спальню, до меня смутно донёсся её взволнованный голос. Мысленно пожелав Аире удачи в новой жизни, я поспешил спуститься и выйти из дома, который теперь не казался тенью самого себя. Сев на виррессу, я рысью направился во Дворец, крепко сжимая поводья и стискивая зубы, и глядя только вперёд. В нынешнем состоянии я замечал одну неприглядную сторону жизни Феира: нищих калек, ругающихся мужа и жену, плачущего ребёнка… Всё подёрнулось серой дымкой, избавиться от которой можно только одним способом: Рахина.

Путь до Дворца я запомнил смутно, признаться, и как шёл до женской половины в своих покоях – тоже в сознании не отложилось. Лишь где-то на границе мелькнула мысль, что не увидела бы меня в таком состоянии Финира, но почему я этого не хотел, объяснить не сумел. Она всё равно не может чувствовать, так какая ей разница, что со мной происходит? И собственно мне какое дело, как она обо мне подумает, если подумает вообще? В таких вот сумбурных размышлениях и растрёпанном состоянии я ввалился в комнаты Рахины.

Она сидела у окна, задёрнутого лёгким золотистым тюлем, и читала. Тёплый ветерок колебал невесомую ткань и шевелил локоны сочного шоколадного цвета, на тонком лице с изящными чертами отражалась задумчивость. Рахину можно было бы назвать милой, если бы не затаившееся в глубине взгляда чёрных глаз тоскливое выражение и скорбные складки в углах рта. Да, её можно понять, не думаю, что она мечтала оказаться в гареме Карателя и служить ему этаким громоотводом… Но так уж вышло, что её выбрали Чувства, что Рахина обладала способностью впитывать именно Печаль, и виноватых в этом не было.

При моём громком появлении она встрепенулась, выпрямилась, а увидев меня, вздрогнула и выронила книгу.

– Г-господин… – прошептала Рахина едва слышно, и на хорошеньком личике отразилась обречённая покорность. – Вам плохо, – озвучила она очевидное и поспешила ко мне.

Мне казалось, если я прямо сейчас не избавлюсь от чужих чувств, взвою от тоски и боли, рвавших грудь. Тяжело навалившись на подоспевшую Рахину, я уже хрипло дышал, едва контролируя себя. Наощупь нашёл её мягкие, податливые губы и впился в них поцелуем, словно желая выпить до дна. Она едва слышно всхлипнула, и та часть сознания, что ещё оставалась разумной, поморщилась от предстоящего. Но ничего не поделать. Как добрались до спальни, не помню, и, кажется, я опять порвал Рахине платье. Однако эти мелочи меня уже не заботили. Словно сквозь туман слышал судорожные всхлипы девушки, ощущал, как она цепляется за мои плечи, и на губах оставался солёный привкус её слёз. Неизбежное зло, да, она всегда плакала, когда я приходил к ней – так выходили чужие чувства. И даже когда разум немного прояснился, когда я смог контролировать себя и постарался сделать так, чтобы ей тоже было хорошо, Рахина всё равно плакала. Пыталась сдерживать слёзы, кусала губы, но ничего не помогало. Поцелуи с привкусом горечи, удовольствие на грани отчаяния – не совсем то, чего хочется в постели от хорошенькой девушки. Но по-иному я не

мог избавиться от чужих чувств, никак, увы. Только через близость, через её слёзы, через дрожащие губы и стоны, которые почти не имели отношения к наслаждению.

Я гладил её дрожащее тело, целовал припухшие, влажные губы, и в такие моменты чувствовал себя последним негодяем. Мне было ужасно жаль Рахину, очень хотелось как-то её утешить, загладить ту невольную грубость, которую я проявил к ней, находясь под властью не моих эмоций. Она тихо всхлипывала, уткнувшись мне в ключицу, под моими руками плечи девушки оставались напряжёнными, и хотя лучшее, что я мог сейчас сделать, это просто встать и покинуть спальню, дать ей прийти в себя и отвлечься на что-то, однако я в который раз попытался всё-таки подарить Рахине заслуженное удовольствие. Мои губы коснулись края розового ушка, язык медленно провёл по нему, а пальцы мягко погладили плавный изгиб спины, спустившись до самой поясницы. Рахина замерла, затаившись, всхлипы затихли, и я с тоской понял, что последует дальше. Как и много раз до этого. Однако не остановился, упорно продолжая ласкать упругие ягодицы, надеясь, что может, на этот раз она позволит…

– Н-не надо, – едва слышным шёпотом отозвалась наконец Рахина, пошевелившись, и попыталась отстраниться. – Пожалуйста…

Стиснув зубы, я убрал руку и позволил ей отвернуться, а потом и сесть на краю кровати. Мой взгляд задержался на прямой спине, опущенным плечам, и я с безнадёжностью понял, что в очередной раз потерпел неудачу. Рахина не желала продолжения, путь уже и без лишних, чужих чувств. Пусть даже зная, что теперь можно получить чистое удовольствие, без слёз и отчаяния. Она не хотела, чтобы я её жалел. Резко поднявшись, я тоже отвернулся, молча надел штаны и набросил рубашку. Постоял, глядя через окно во внутренний дворик с яркими клумбами и звонким фонтаном, потом всё же негромко произнёс:

– Спасибо, Рахина.

Больше я ничего не мог сделать для неё, увы. На душе оставался мерзкий осадок, как всегда после таких моментов, и я малодушно сбежал из этой спальни, где ещё таились отголоски чужого горя. Что ж, думаю, самое время сейчас отвлечься и заняться поисками нужных сведений в архиве. Это поможет не думать об оставшейся в спальне заплаканной девушке с несчастливой судьбой.

Глава 2

В комнате не было окон, только тяжёлая дверь, открыть которую мог лишь один человек – хозяин покоев. Он сейчас стоял перед ней, босиком на мягком ковре, покрывавшем каменный пол, в одних штанах, и блики от масляных ламп красиво играли на подтянутом, мускулистом теле, резко очерчивая рельеф мышц. Сразу было видно, что мужчина уделяет много времени тренировкам, следит за собой и не позволяет появиться на боках ни грамму лишнего жира. А ещё, он был сильным, очень. При каждом движении мышцы напрягались, перекатывались под смуглой кожей, и любая красотка много отдала бы за возможность провести по ним пальцами, ощутить их крепость. Мужчина стоял, чуть расставив ноги, и с отстранённым любопытством разглядывал полностью обнажённую девушку, наблюдавшую за ним без всякого выражения на бесстрастном лице. Тоненькая, едва оформившаяся фигура, аккуратная маленькая грудь, тёмный треугольник волос внизу живота. Руки расслабленно висят вдоль тела, подбородок поднят, а в прозрачно-голубых глазах – пустота. Ничего, мужчина был уверен: скоро в них появится выражение, которое он так любил – страх и покорность.

– Говорят, ты девственница? – негромко спросил хозяин, легонько похлопывая по ноге тонким кожаным хлыстом.

– Да, – коротко ответила девушка.

– Господин, – резко произнёс мужчина и нахмурился. – Ты должна называть меня «господин», поняла?

– Да, господин, – так же без всякого выражения ответила она.

Его глаза прищурились, на губах мелькнула усмешка.

– Ты будешь выполнять всё, что я скажу, – негромким, мягким голосом произнёс он.

– Да, господин, – повторила девушка свой прежний ответ.

На мгновение во взгляде мужчины мелькнула досада, но тут же пропала.

– Значит, тебя не касался никто? – продолжил он расспросы, обойдя вокруг неё, и остановился за спиной девушки.

Кончик хлыста медленно провёл вдоль позвоночника, едва касаясь, и она еле заметно вздрогнула. Усмешка на лице хозяина стала довольной: его собственность знала, что такое хлыст, несомненно.

– Касался, господин, – ответ девушки удивил мужчину.

– Вот как? – хмыкнул он, и без предупреждения ударил, хлёстко, наотмашь.

На гладкой, белоснежной, как мрамор, коже отпечаталась красная полоса, и девушка вздрогнула сильнее, но не издала ни звука. Что ж, он и не надеялся, что с первого раза получится добиться от неё чего-то. Однако времени у него предостаточно, торопиться некуда. Он предпочитал растягивать удовольствие, и на сей раз игрушка ему досталась очень подходящая.

– Значит, твой прежний хозяин не брал тебя, как обычно? – как ни в чём не бывало уточнил он, уже предвкушая предстоящее изысканное наслаждение. – Расскажи, – потребовал мужчина.

– Он хотел, чтобы я доставляла ему удовольствие, – послушно начала говорить девушка. – Так, как он приказывал.

– И как же он приказывал? – вкрадчиво спросил хозяин, прижавшись к ней сзади, и его ладонь по-хозяйски устроилась на груди игрушки, довольно чувствительно сжав.

– По-разному, – на её лице не отразилось ничего, лишь в глазах мелькнуло странное выражение. – Ртом, руками, иногда он связывал и хотел, чтобы я кричала от боли…

– А тебе было больно? – тут же переспросил мужчина, прижавшись теснее, так, что девушка отчётливо почувствовала ягодицами уже твёрдый член, даже через ткань штанов.

Его пальцы крепко сжали розовый сосок, и она снова вздрогнула.

– Да, – ответила она по-прежнему бесстрастно. – Но я умею терпеть, хозяин иногда требовал, чтобы я молчала, что бы он со мной не делал.

– Очень хорошо, – так же вкрадчиво произнёс мужчина, его ладонь поползла ниже, к животу. – Раздвинь ноги, – приказал он.

Она послушно выполнила, и его пальцы уверенно скользнули в кудрявую поросль, погладив нежные складочки. Конечно, она была ещё не готова, но это легко исправить. Реакции тела не подчиняются разуму, это мужчина знал отлично, и даже если у неё нет никаких чувств, это ещё ничего не значит. Появятся. Уж он позаботится. Палец мужчины безошибочно нащупал мягкий бугорок, погладил его, и снова – едва заметная дрожь, прокатившаяся по телу девушки. Улыбка мужчины стала шире, палец продвинулся дальше, проникая внутрь узкого, тесного и горячего лона, а другая рука продолжала ласкать грудь девушки – он мял и пощипывал сосок, пока тот не затвердел и не стал тёмно-розовым, похожим на крупную ягоду. Её немедленно захотелось попробовать на вкус, прикусить зубами и услышать, как тоненько вскрикнет игрушка… Позже. Не сейчас.

Палец проник ещё глубже и упёрся в преграду – девушка не солгала, она действительно оставалась невинной, по крайней мере, в этом месте точно.

– М-м-м, как интерес-сно, – мурлыкнул мужчина, вынув палец и продолжив ласкать девушку. – Тебе нравится то, что я делаю? – требовательно спросил он, умело поглаживая мягкую плоть.

– Мне… приятно, господин, – чуть сбившись, ответила она, её дыхание уже участилось к удовольствию хозяина.

В его глазах вспыхнул предвкушающий огонёк, мужчина отстранился и, ухватив её за плечо, резко развернул. В глубине комнаты находились самые разнообразные приспособления, порой причудливые конструкции, явно предназначенные для развлечений на грани – об этом говорили наручники и набор плёток и хлыстов на стене. А ещё, тут же стояла широкая кровать с кованым изголовьем, к которому очень удобно тоже привязывать или пристёгивать…

– Сюда, – повелительно бросил мужчина и подвёл девушку к узкому короткому столу между четырьмя столбиками.

На ближних из них внизу тоже виднелись наручники, видимо, для ног, как отстранённо подумала игрушка. У дальнего конца стола на одном уровне располагалась странная подставка, наверное, под голову, как опять же, предположила девушка. Страха она не испытывала, как и других эмоций. У неё их просто не было. Всё, что ей сейчас доступно – это лишь ощущения тела. Мужчина между тем подвёл её вплотную, развернул лицом к конструкции и, надавив на шею, заставил лечь животом.

– Вытяни руки, – последовал очередной приказ, и игрушка послушно его выполнила.

В следующие мгновения её запястья оказались пристёгнуты к дальним столбикам, а подбородок устроился на той самой подставке. Для чего, она уже догадывалась. Впрочем, подобное ей было не впервой. Стол стоял немного под наклоном, так, что её попка оказалась поднята, и пола касались лишь кончики пальцев, а голова находилась ниже. Через минуту и на лодыжках защёлкнулся прохладный металл, зафиксировав её ноги широко раздвинутыми. Она оказалась полностью беспомощной и открытой, и будь обычной девушкой, наверное, испугалась бы и впала в панику от неизвестности и странных приготовлений. Но… Она ничего не чувствовала. Ничего.

Хозяин обошёл стол и присел перед ней на корточки, ухватив тёмные волосы и намотав их на кулак, оттянул назад, так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и негромко, серьёзно произнёс:

– Я хочу, чтобы ты молчала, что бы я ни делал. Ни звука, иначе за каждый лишний стон будет наказание. Поняла? – он чуть прищурился, сжав волосы сильнее, наслаждаясь своей властью над беспомощной игрушкой.

– Поняла, господин, – отозвалась девушка, принимая правила игры.

Ей не впервой было сдерживаться, такие приказы она получала часто во время прошлой жизни. Нынешняя, судя по всему, не сильно будет отличаться, и это… приносило определённую уверенность в завтрашнем дне. Девушка посчитала,

что это хорошо, не придётся заново подстраиваться под обстоятельства и учить новые правила.

Мужчина, отпустив её, медленно обошёл вокруг стола, разглядывая нагое тело, снова провёл хлыстом по спине, где алел след от предыдущего удара, и лениво улыбнулся. Он мог делать с ней всё, что ему захочется, и она будет покорно выполнять. Осознание этой простой истины наполнило его пьянящим ощущением вседозволенности, предвкушением и нетерпением. О, как же долго у него не было таких игрушек! Приходилось быть очень осторожным и сдерживаться – обычные девушки долго не выдерживали, а слишком частые смерти привлекли бы ненужное внимание. Приходилось отпускать, наигравшись, тайком переправлять безвольных, сломленных, в караваны торговцев, проходивших через Феир: дальше уже их судьба мужчину не заботила. Теперь же… Она в его полном распоряжении, бессрочно, и никто не отнимет. Никто не хватится, никому она не сможет рассказать, пока не спросят – а даже если спросят, он научит, как она должна отвечать. И не ослушается.

Мужчина облизнулся, потом резко взмахнул хлыстом, и первую отметину перечеркнул второй красный след, а игрушка лишь дёрнулась беспомощно в путах, зазвенев наручниками. И ни звука. Что ж… Он остановился сзади, рассматривая раскрытое, кораллово-розовое лоно, влажно поблёскивавшее в свете светильников. Словно ждавшее прикосновений, манившее своей беззащитностью и открытостью. Кончик хлыста приласкал поясницу, спустился дальше, между чуть раздвинутых ягодиц и пощекотал нежную плоть. Реакция последовала сразу же – мышцы рефлекторно сжались, девушка напряглась. Тихонько хмыкнув, мужчина убрал хлыст, присел на корточки, и снова провёл большим пальцем, мягко надавливая, раздвигая, массируя чувствительный бугорок. Бёдра девушки дёрнулись навстречу, она задышала чаще, но по-прежнему оставалась молчаливой, к удовлетворению хозяина. Пока он не хотел слышать её голос…

Складочки увлажнились, отчего на его губах появилась довольная усмешка, и палец скользнул дальше, внутрь, растягивая тугие мышцы. Он не мог видеть лицо девушки, но был уверен, её зрачки сейчас резко расширились, а рот приоткрылся. Ничего, он ещё успеет насмотреться на её лицо, а проверить, как она владеет своим ротиком, и подавно. Не стоило смешивать все грани удовольствия в одну кучу, о, нет, не стоило. Он хотел насладиться сполна, неторопливо, вкусить каждый оттенок отдельно. Мужчина вытащил палец, облизнул его и зажмурился: восхитительный, тонкий вкус, чуть терпкий,

сладковатый. Раздвинув мягкие лепестки, он наклонился и провёл языком, собирая выступившую влагу, смакуя и наслаждаясь. Девушка снова дёрнулась, бёдра подались навстречу – значит, такая ласка ей тоже знакома, видимо, прежний хозяин баловал. Чуть сморщившись от собственных мыслей – думать о том, что этого тела касались другие руки и губы, было неприятно, – он на мгновение замер. Сейчас она принадлежала ему, полностью, и никакой другой мужчина не коснётся её! Только если он разрешит.

Губы мужчины плотно прижались к ароматному лону, он слегка втянул трепещущий кусочек плоти, поиграл языком, и его палец снова проник в игрушку, глубоко, почти до самой невидимой преграды. Девушка задрожала под его руками, и ладонь хозяина сильно сжала её ягодицу, а зубы слегка прикусили горячий бугорок. От собственных действий возбуждение плеснуло в кровь жаром, прилило к низу живота, заставив член моментально закаменеть. А от девушки вдруг донёсся едва слышный, невнятный всхлип, и мужчина возликовал: вот оно! Наконец-то… Он резко отстранился, выпрямился, и хлыст моментально оказался в его руке. Облизнув губы, хозяин мягко провёл по гладкой спине, уже покрывшейся испариной, и негромко проговорил:

– Я же просил молчать, сладкая. Непослушная девчонка, – он резко вскинул руку, раздался свист воздуха, и третья полоса легла на мраморную кожу, ярко алея на ней, как клеймо.

Она выгнулась в своих оковах – снова молча, и мужчина понял: ему подарили идеальную игрушку. Его собственное дыхание сбилось, мышцы скрутились в тугой, горячий узел, от вспыхнувшего желания обладать этой покорной девочкой, попавшей к нему в руки, сознание мутилось, оставляя только чистые инстинкты. Подчинить. Ворваться в эту узкую, жаркую плоть, вбиваться в неё, пока она не сорвётся и не закричит под его руками, не забьётся от наслаждения – или боли. Это уж как он сам решит. А может, и от того и другого. Мужчина резко выдохнул, положил хлыст рядом и подошёл вплотную. Чуть спустил штаны, освобождая напряжённый до боли член, прижался к влажной, ждавшей его плоти, и наклонился, не торопясь проникать, растягивая это мучительное ожидание. Его ладони легли на спину девушки, медленно провели вниз, до тонкой талии и замерли на упругой попке.

Хозяин нагнулся ещё ниже и провёл языком по красному следу, с наслаждением ощущая, как напряглась под этой болезненной лаской игрушка, как сорвалось её дыхание.

– Тебе больно? – ласково спросил он, выпрямившись, и потёрся между её ног, чувствуя жар, горевший в этом месте.

– Да, господин, – пробормотала девушка, но эмоций в её голосе он снова не расслышал.

Он звучал так же ровно, как и в самом начале их развлечений. Глаза мужчины прищурились, он взял хлыст и на его губах снова появилась предвкушающая усмешка. Но хозяин не торопился, нет. Сначала надо прояснить один очень важный момент… Он медленно провёл головкой по манящим складочкам, совсем чуть-чуть вошёл в горячую глубину, почувствовав, как сразу сжались мышцы, и негромко поинтересовался:

– Почему прежний хозяин оставил тебя девственницей? Это было важно для него?

– Н-нет, господин, – пробормотала слегка невнятно девушка, и от того как её бёдра качнулись ему навстречу, у мужчины чуть не сорвало самообладание.

Он впился пальцами в мягкую попку, оставляя на нежной коже синяки, и сквозь зубы процедил:

– Не двигайся! – и она послушно замерла, тяжело дыша, только продолжала мелко дрожать. – Тогда почему он не тронул тебя вот так? – его член вошёл ещё немного, проникая в тугую глубину дальше, и хозяин комнаты едва удержался от того, чтобы не сделать резкое движение до самого конца.

До него донёсся прерывистый вздох, он мгновение колебался, расценивать ли это, как нарушение его предыдущего приказа, и решил пока повременить. Всё же, у них важный разговор. Мужчина остановился, стиснув зубы и удерживая бёдра девушки неподвижно, дожидаясь её ответа.

– Ему… нравилось, что я остаюсь девственницей, – произнесла она слегка хриплым, но по-прежнему ровным голосом. – И что он проделывает со мной… всякое… оставляя нетронутой…

Задумчивый взгляд хозяина остановился на алебастрово-белых полушариях, слегка раздвинутых, между которыми так заманчиво темнел ещё один вход. Может, не рисковать? Вдруг прежний хозяин намеренно не говорил всего девчонке, и её невинность как раз важна?

– А другие? – отрывисто спросил он, чуть-чуть выйдя, так, чтобы головка всё же оставалась в ней.

Палец мужчины коснулся тугих мышц, погладил, а потом надавил, проникая внутрь ещё и сюда. Игрушка тут же напряглась, сжалась, тело не желало пропускать, отреагировав рефлекторно на вторжение, и на губах мужчины мелькнула усмешка. Останавливаться он не собирался, и палец толкнулся дальше, преодолевая сопротивление, и одновременно хозяин комнаты всё же вышел, скользнув членом по нежным складочкам, заставляя игрушку расслабиться.

– Он-ни н-не все… – выдавила она из себя, тело не хотело подчиняться пикантной ласке на грани грубости. – Только… я… и ещё две… – голос девушки звучал напряжённо.

Хм. Если так… И всё же, надо проверить. А пока, можно и по-другому развлечься. Мужчина ненадолго оставил в покое попку игрушки, снова проник в неё двумя пальцами, собирая выступивший сок желания, и вернулся к прежней цели. Теперь, увлажнённые, они быстрее справились с сопротивлением, и мужчина, с предвкушением ухмыльнувшись, чувствительно шлёпнул по белой ягодице, оставляя на ней ярко-красный след. Девушка дёрнулась, но промолчала – умница, помнила его первый приказ. Он медленно продвинул пальцы дальше, в совсем узкий проход, второй ладонью обхватил свой каменно-твёрдый член и прижал его к мокрому, горячему лону.

– Тебе нравится то, что я делаю? – спросил он снова, уже предполагая, каким будет ответ и его следующие действия. – И не ври! – чуть повысив голос, предупредил он, снова сжав ягодицу игрушки.

– Н-нет, господин, – сдавленно выговорила она. – Мне… неприятно…

Показалось, или нет, что на сей раз в её голосе мелькнула даже не тень, а тень тени какой-то эмоции? Неужели так быстро? Мужчина резко выдохнул и

присоединил ещё один палец, расширяя проход. Вот он и нашёл первое слабое место, и какое удачное! Если и в остальном она оправдает его ожидания, это будет… чудес-сно. Девушка вздрогнула сильнее, и на сей раз её тело отреагировало по-другому: она заёрзала, попытавшись отодвинуться, а мышцы сжались сильнее вокруг его пальцев, пытаясь вытолкнуть. До него донеслось натужное сопение, видимо, она очень старалась сдержаться от звуков. Какая восхитительно послушная-непослушная, он же приказал ей не двигаться!

– Не дёргайся, я сказал! – резко произнёс мужчина и больно ущипнул такую беззащитную, мягкую попку.

Одновременно его пальцы так же резко проникли дальше, наверняка причиняя ей определённое неудобство, и всё вместе дало желанный результат: девушка тихо вскрикнула, выгнувшись, лопатки на её спине встали торчком. Больше он терпеть не мог. Убрав руку, мужчина схватил хлыст, ещё раз пройдясь по спине игрушки, заставив её снова задрожать всем телом и невнятно всхлипнуть, а потом, пошире разведя мраморно-белые ягодицы, одним сильным движением вошёл в тугую глубину, сразу на всю длину. Игрушка его порадовала, хотя он явно сделал ей больно, судя по тому, как судорожно сжались мышцы, зажимая его член, силясь избавиться от него. Тело мужчины пронзила первая сладкая судорога удовольствия, но не хватало ещё кое-чего, самой малости. Он лёг на девушку, придавив её к скамейке, ухватил за волосы, оттянув голову и повернув к себе, и встретился взглядом с глазами игрушки. В них и правда остался только бездонный колодец расширенного зрачка, лицо раскраснелось, а искусанные губы припухли и приоткрылись. Дышала она тяжело, хрипло, то и дело облизываясь, и у него от непристойных картинок аж живот болезненно подвело при виде этого маленького, влажного ротика.

– Больно? – проникновенно спросил он, обведя пальцем контур её губ, и чуть шевельнул бёдрами, дав почувствовать себя.

Она моргнула, потом тихо ответила:

– Д-да, господин…

– Тебе не нравилось, когда твой прежний хозяин делал это с тобой? – продолжил он выспрашивать, желая убедиться, что она не врёт и не пытается угодить ему.

Ведь доставить ей удовольствие не было его целью.

– Н-нет, господин, – снова послушно ответила она, и мужчина понял – не врёт. – Но он делал это часто… – к его искренней радости добавила девушка, снова облизнувшись.

Его улыбка сделалась шире, а палец скользнул в её ротик – она тут же послушно сомкнула губы, угадывая его мысли. Умная девочка, очень.

– И я тоже буду, – ласково сообщил он, потом оттянул ещё голову, открывая шею, и провёл по ней влажным пальцем. – А теперь – кричи, милая. Я разрешаю.

Он выпрямился, крепче ухватился за бёдра девушки и начал двигаться. Сильно, резко, стараясь проникнуть как можно глубже, а она… да, закричала. И вскрикивала каждый раз, как он с силой входил, грубо раздвигая мышцы, тоненько и беспомощно, как зверёк, попавший в капкан. Ей было больно, да, он знал, больно и неприятно, и осознание этого многократно усиливало его нараставшее удовольствие, накатывало горячими волнами, заставляло вновь и вновь рывками двигаться, всё ускоряя темп. Узкая, тугая глубина сжимала его крепче, крики девушки стали срываться на всхлипы, и мужчина с упоением представил, как по нежному личику стекают прозрачные капли, и можно даже помечтать, что в них наконец-то появились отблески настоящих эмоций.

Хозяин комнаты ещё пару раз чувствительно шлёпнул её попку, уже покрывшуюся синяками от его действий, а когда от особо сильного проникновения игрушка вскрикнула особенно пронзительно, жалобно, его накрыло жарким ураганом. С губ мужчины сорвался хриплый стон, всё существо на миг напряглось, замерев на самой грани, а потом настал долгожданный момент освобождения, и реальность на несколько мгновений померкла в бесшумной, яркой вспышке. Длинно выдохнув, он прикрыл глаза, расслабленно улыбнулся, и его пальцы погладили поясницу девушки – её кожа оставалась влажной от выступившей испарины, она мелко дрожала и тяжело дышала. Постояв ещё пару секунд, мужчина отстранился, поправил штаны и наклонился над игрушкой, мягко поцеловав ямочку чуть ниже талии. Потом присел, расстегнул оковы на её лодыжках, обошёл и освободил тоненькие запястья.

– Встань, – негромко скомандовал мужчина, отошёл и сел в мягкое кресло, стоявшее рядом с изножьем кровати.

Плеснул себе вина – бутылка стояла на столике у кресла, – сделал глоток, наблюдая, как девушка неуверенно поднимается, тяжело опираясь на столешницу, длинные тёмные пряди завешивали лицо, не давая рассмотреть его выражение. Наконец она выпрямилась, но голову не поднимала, и пришлось снова отдать приказ:

– Подойди.

Она остановилась рядом, и взгляд мужчины неторопливо оглядел изящное, хрупкое тело.

– Посмотри на меня, – скомандовал он снова, и игрушка послушно выполнила.

Отстранённое лицо, но на щеках влажные дорожки, как он и предполагал, и губы искусаны. Он прищурился от удовольствия, отпил ещё глоток и кивнул.

– Ты себя сегодня хорошо вела, молодец, – негромко заговорил мужчина. – Я хочу, чтобы каждый раз перед выходом из этой комнаты, что бы здесь с тобой не происходило, ты благодарила меня на коленях. Поняла?

– Да, господин, – отозвалась она ровно и без напоминания опустилась на пол, положив ладони на бёдра и глядя ему в глаза. – Спасибо, господин.

Ленивая улыбка появилась на губах мужчины, он в несколько глотков допил вино, потом нагнулся и ухватил девушку за подбородок.

– Я очень рассержусь, если ты кому-то расскажешь, – тихо произнёс он, в его глазах полыхнул недобрый огонёк. – Я запрещаю тебе говорить о том, что происходит в этой комнате, поняла?

– Поняла, господин, – послушно повторила она без всяких эмоций.

Он помолчал, внимательно изучая бесстрастное, но бесспорно, красивое лицо. Куколка. Идеальная игрушка.

– И я запрещаю тебе дотрагиваться до себя, – добавил он, погладив пальцами её губы. – Удовольствие ты будешь получать только от меня. Если я захочу, –

усмехнулся мужчина.

– Хорошо, господин, – покорно ответила девушка, не сводя с него глаз.

Отпустив её, хозяин комнаты встал и небрежно махнул рукой.

– Можешь подняться. Приведёшь себя в порядок, примешь ванну и переоденешься, а потом мы пойдём гулять, я покажу тебе город.

Как же хорошо, что к месту, где он жил, Чувства не прислушивались! Оно слишком близко к Собору, и слишком часто тут происходят всплески самых разнообразных эмоций, чтобы отслеживать ещё и их. Тем более, исходят они от тех, кого Чувства сами выбрали защищать и помогать сохранять гармонию в душах людей. Можно позволить себе очень многое с этой хрупкой малышкой… Мужчина согнал с лица предвкушающее выражение: не надо, чтобы кто-то его видел, иначе начнутся неудобные вопросы. Он столько времени удачно скрывал свои маленькие увлечения, не хотелось бы сейчас попасться на мелочи.

Архив находился в дальней части Дворца, в подвальном помещении, и войти туда могли только Каратели. Магия защищала бумаги от сырости и плесени, а за порядком следили мы сами – для нашего же удобства. На полках стояли книги и лежали свитки, ярлыки указывали тематические разделы, освещался архив ровным светом ламп, вспыхивавших, как только здесь кто-то появлялся. Около большой картины, изображавшей вид из окна, стоял стол, удобное кресло – если требовалось сделать записи. На удивление, помещение мрачным не выглядело, несмотря на каменные сводчатые потолки и отсутствие окон и дневного света.

Здесь была всего одна просторная комната, сам по себе архив небольшой – основные книги хранились в городской библиотеке, а здесь – только те, которые не стоит читать обычным жителям. Ну и, бумаги, которые время от времени попадали к нам от всяких странных личностей вроде Собирателя Чувств. Сумасшедший, помешанный на идее собрать все чувства в единый накопитель и управлять ими самолично, играясь людьми, как куклами, по своей прихоти сталкивая их и наделяя теми чувствами, которыми ему бы хотелось. Я поёжился, передёрнув плечами. Именно для этого ему и нужны были Бездушные, чтобы отнимать у людей чувства, оставляя их опустошёнными – большинство очень скоро умирали, не выдерживая такого существования.

Отвлёкшись от тяжёлых воспоминаний о выслеживании и поимке Собирателя, я подошёл к нужной полке и взял несколько тетрадей в кожаных обложках – личные записи сумасшедшего, найденные в Костяной Башне, его логове. Признаться, я в них не заглядывал, не имея никакого желания читать изыскания психа по части изъятия чувств у людей, но точно знаю – их изучали в Соборе. Для того, чтобы избежать повторения в будущем и знать, за чем следить. Неслышно вздохнув, я устроился в кресле и открыл первую тетрадь, лежавшую сверху. Страницы были покрыты аккуратным, чётким почерком, без клякс, пробегая их взглядом наискосок, я старался не углубляться в пространные размышления Собирателя о жизни, своих намерениях и странных выводах, что чувства – это величайшая ценность и драгоценность, и вместе с тем идеальное оружие, с помощью которого можно управлять людьми. Мне все эти бредни сумасшедшего были совершенно неинтересны. Я искал сведения о Бездушных.

Они нашлись во второй тетради, как я понял, это был сборник практических записок об экспериментах Собирателя. И да, в том числе и о таких, как Финира. Вот тут я уже стал читать внимательнее, постаравшись отгородиться от эмоций и воспринимая только сухой остаток сведений. Лучше бы я держал любопытство в узде…

Собиратель выбирал юных девушек не старше двадцати лет, и выбирал он их тщательно, после долгого наблюдения. Его жертвами становились жизнерадостные, счастливые, жившие в достатке и любви. Он предпочитал невинных, ещё не познавших плотских радостей – без особого подтекста, просто ему так нравилось. Ну и, они ещё не успели разочароваться в жизни и познать первую горечь взрослой жизни. Утвердившись в своём выборе, Собиратель начинал действовать. Он медленно, постепенно убивал в них всё светлое, все надежды, мечты и… чувства. Он незаметно вмешивался в их жизнь, используя подставных лиц, действуя руками других, разрушая её, даруя вместо радости – горе, вместо счастья – боль, вместо любви – ненависть и горечь предательства. Он приводил их к тому, что жизнь не имеет смысла, что чувства в ней лишние, они только мешают и приносят отчаяние и страх. Собиратель подводил их к самой черте, за которой уже не оставалось ничего, и только потом приходил к ним лично, соблазняя сладким ядом обещаний, что он сделает так, чтобы им было хорошо. И уводил в Костяную Башню, опустошённых, безразличных ко всему, потерявших всё – родных, близких, друзей, а кто-то и возлюбленных, и забирал там их души. Готовый сосуд для его действий.

А потом он становился их единственным хозяином и повелителем, даруя им то немногое, что они ещё могли испытывать. Примитивные ощущения, не более. Физическая близость, причём зачастую в извращённых формах, которая позволяла Бездушным чувствовать лишь боль или наслаждение, их восприятие колебалось между двумя понятиями, приятно-неприятно, и всё. Они могли лишь ненадолго вместить чужие чувства, забрать их по велению Собирателя, принести ему и отдать в его накопитель, где он смешивал всё в чудовищный коктейль. А они снова оставались пустыми и безучастными к окружающему, готовые действовать лишь по мановению руки своего хозяина и повелителя. Идеальное оружие. Те, кто мог бы жить и наслаждаться жизнью, если бы не странное желание сумасшедшего подчинить себе все Чувства.

Любовь была права, они заслуживали шанса начать всё сначала, если таковой существовал.

Глава 3

Я с отвращением отодвинул тетрадь Собирателя – больше копаться в этом не было никакого желания. Он так смаковал подробности, как ломал жизни и калечил души девушек… Меня аж передёргивало, и к горлу поднимался ком тошноты, особенно после описаний, что Собиратель делал с ними потом, причём он ещё и тщательно описывал реакцию своих персональных игрушек. Я поставил локти на стол, прислонился лбом к сложенным в замок пальцам и прикрыл глаза, глубоко вздохнув. В груди теснился клубок эмоций, требовавших выхода, и на первый план вышло настойчивое желание оживить мерзавца и убить его снова особо изощрённым способом. А потом мысли скакнули к той, которую мне оставили в наследство от Собирателя.

Финира. Интересно, какой она была раньше? Смешливой хохотушкой? Застенчивой скромницей? Улыбчивой, радостной, живой? Где жила, какая у неё была семья? Впрочем, как сказала Любовь, это всё уже не имеет никакого значения, прежний хозяин стёр её жизнь, оставив лишь чистый лист. И на нём можно заново написать историю Финиры, вдохнуть в неё жизнь, сделать живой. Не такой, какой она была раньше, конечно, я этого не мог знать, да и, наверное, не узнаю никогда. Искать тех, кто как-то был связан с ней, дело долгое, утомительное и бесполезное. Всё равно прежней она никогда не станет. А вот

какой же будет новая Финира, зависело теперь только от меня, и в душе росла уверенность, что я приложу все усилия, чтобы это случилось. Разбужу её, да. И не только потому, что за неё попросила Любовь, что это моё задание – их мне хватает и на основной службе. Теперь я сам хотел увидеть, как она улыбается, услышать, как смеётся. Никто не имеет права ломать жизнь таким страшным способом, и Финира вряд ли заслужила такую судьбу.

Я решительно поднялся, положил дневники обратно на полку и направился из архива. Недавний осадок после общения с Рахиной почти растворился, меня полностью захватил азарт предстоящей трудной задачи, но теперь на место растерянности и недоумения пришли другие чувства. Я сделаю это, покажу Финире другую жизнь, докажу себе, что умею не только отнимать, но и отдавать. Пусть не свои чувства, но всё-таки. Примерить на себя роль учителя в таком деликатном деле – интересный опыт, да и, помимо всего прочего, мне в самом деле было искренне жаль Финиру, прошедшую через всё это и в результате потерявшую себя, пусть не по своей воле.

Едва я вышел из дверей, увидел Риммера, с озабоченным лицом шагавшего к архиву. Мы поравнялись, я усмехнулся, кивнув за спину.

– Тоже просвещаться идёшь?

– Ну а что, – Рим пожал плечами и с досадой почесал затылок. – Надо ж понять, с чего начинать.

Я засунул руки в карманы, окинул его задумчивым взглядом. Широкоплечий, выше меня на полголовы, со светлой, вечно растрёпанной шевелюрой и серьёзными серыми глазами. Почему-то к нему подходило слово «надёжный». Риммер выглядел простаком, этаким недалёким увальнем, не обиженным силушкой, но на самом деле глупым его назвать было сложно. Немногословный, да, это есть, и манеры грубоватые – Риммер происходил из простой семьи, – но не глупый, уж точно. Когда ловили Собирателя, это ему пришло в голову, где может находиться Костяная Башня.

– Удачи, – я склонил голову, пропустив его к двери. – Если что обнаружишь, поделишься?

– Поделюсь, – покладисто ответил Рим. – Только пока сам не знаю, что с ней делать, – Каратель поморщился.

– Как и все мы, полагаю, – со вздохом отозвался я. – Ладно, увидимся.

– Ага, – кивнул он и спустился по ступенькам к двери.

Ну а я поспешил в свои покои за Финирой. Покажу ей Дворец для начала, а потом в Собор сходим. Заодно и поговорим, попробую поспрашивать её, вдруг расскажет что-нибудь интересное. На мгновение кольнула неприятная мысль, а как Финиру примут остальные девушки – увы, особой дружбы в моём гареме не было, по разным причинам, – и я ещё ускорил шаг. Вряд ли моя новая гостья умеет постоять за себя, ведь раньше ей хозяин говорил, что делать, и жизнь была простой… Возможно, в её понимании.

Переступив порог моих покоев, покосился на столик – он был пуст. Ну и хорошо, надеюсь, больше сегодня никаких заданий не будет и мне дадут спокойно пообщаться с моей подопечной. Чуть улыбнувшись, я направился на женскую половину, невольно прислушиваясь. Тишина нарушалась только журчанием фонтанов во внутреннем дворике, да чириканьем птиц, голосов я не слышал. В общей гостиной тоже никого не было, и, признаться, я почувствовал облегчение. Да, я не очень любил общаться с девушками, живущими со мной, по многим причинам. Поначалу – пытался наладить отношения, хотя бы дружеские, но быстро понял, что не выйдет. Слишком уж специфическое общение у нас складывалось, учитывая, для чего они мне были нужны. Поэтому оставил всё в рамках вежливой заботы об их нуждах, да иногда приглашал кого-нибудь прогуляться или пообедать-ужинать со мной. Этого вполне хватало.

В гостиной я дёрнул шнурок звонка, вызывая Чали, и когда экономка явилась, спросил:

– Где ты Финиру устроила? Как она, нормально?

– Пройдёмте, господин Аллард, – Чали наклонила голову и пошла к дверям. – Да, устроила, дала ей Бьони, девочка смышлёная, шустрая, – по пути докладывала она. – Портниха к ней приходила, с вашего позволения, ведь вещей у госпожи никаких нет, – экономка вздохнула. – А что с ней такое, господин Аллард? Молчаливая она какая-то, тихая, безразличная ко всему. Жалко её, –

сердобольная Чали снова вздохнула.

– Несчастье у неё случилось, – негромко ответил я. – Большое несчастье, Чали. Но я помогу ей, не беспокойся. Постараюсь, – поправился, не желая давать напрасных обещаний.

Да, приложу все усилия, но насколько они будут удачными, знать я не мог. Мы прошли длинной галереей с тонкими, резными каменными колоннами, на которую выходили несколько дверей – за ними располагались комнаты других девушек. Финиру Чали определила в дальнюю, и я молча одобрил её выбор: наверное, пока стоит погодить с представлением моей подопечной остальным. Пусть освоится, опять же, гардероб ей сделают, а то кроме того платья, в котором она ко мне попала, больше вещей у Финиры не было. Ох, да у неё вообще же ничего своего нет! Я только открыл рот, чтобы попросить Чали побеспокоиться об остальных мелочах для гостьи, но потом задумался, взявшись за ручку двери и не торопясь входить. Другие девушки сами покупали себе всё необходимое, им выделялась сумма на карманные расходы. Иногда я что-то дарил, но по мелочи и скорее из вежливости. Просить же Чали сходить по магазинам с Финирой, чтобы она могла выбрать себе необходимое, значило отрывать экономку от основных обязанностей, которых ей хватало. Ну а навязать общество одной из девушек, причём совершенно незнакомой, было бы верхом глупости с моей стороны. Значит, оставалось одно решение.

Я нажал ручку и вошёл без стука, как привык. Двери в женской половине замков не имели, понятное дело, однако опасаться краж не стоило. Слугам платили достаточно хорошо, чтобы они не зарились на чужое, ну и, честно говоря, особых ценностей, по крайней мере, у меня, уж точно не было. Что ж, я всё равно собирался показать Финире Дворец, тогда уж заодно и в город выедем ненадолго – за покупками. Что-то мне подсказывало, одну её выпускать не надо, и смысла особого не будет: вряд ли девушка сможет сама совершить покупки. А войдя в просторную, светлую гостиную, второй дверью выходившую в один из бесчисленных внутренних двориков с цветами и фонтанами, остановился, озадаченно уставившись на занятную картину передо мной.

На низеньком диване сидела Финира всё в том же белом платье, с безучастным лицом, рядом – портниха, худая, нескладная женщина с растерянным видом, а вокруг них лежали в художественном беспорядке платья и отрезы ткани. Чуть в сторонке стояли помощницы, две молоденьких девушки, с любопытством косившие на Финиру и свою хозяйку.

– О, господин Аллард, вы вовремя! – с явным облегчением встала портниха. – Я… в некотором затруднении, признаюсь, – она отвела взгляд, её щёки слегка покраснели.

– Что случилось? – я бросил взгляд на Финиру, чьи глаза внимательно, но без всякого выражения, смотрели на меня.

– Госпожа не хочет ничего выбирать, – расстроенно сообщила портниха, затеребив кончик пояса, и упорно не смотрела на меня.

Мои брови поползли вверх. Вот как. Интересно. Я заложил руки за спину и посмотрел на гостью.

– Финира? – мягко спросил её. – Объяснишь?

– Мне всё равно, что носить, господин, – ровно ответила она. – В чём захотите…

– Аллард, – чуть резче, чем хотелось, перебил я её. – Называй меня Аллард, Финира, не надо господинов.

– Хорошо, Аллард, – послушно, без запинки произнесла Финира.

Почему-то от её тона меня чуть не передёрнуло, в душе завозилось глухое раздражение. Ну хоть капля эмоций, хоть тень. Нет, лицо девушки оставалось бесстрастным. Красивое, притягательное, и если бы его оживили чувства, улыбка, блеск глаз – от Финиры бы взгляда не отвести было. Но – кукла, послушная воле хозяина. Я зажмурился и тряхнул головой, выгоняя нехорошие мысли. Никаких кукол и хозяев, хватит с неё. И так натерпелась. Я улыбнулся девушке, запрятав подальше раздражение.

– Финира, пожалуйста, выбери себе одежду, – попросил я, не собираясь уступать. – Какая тебе нравится.

Ведь что-то от её прежней личности должно остаться, хоть какой-то кусочек.

– Мне? – переспросила Финира, и я интуитивно приготовился услышать удивление – его не было. – Как скажете, Аллард. Я выберу.

Пришлось стиснуть зубы и сделать пару глубоких вдохов. Она всё равно приняла мои слова, как приказ, пусть сказанный в мягкой форме. Так, ладно, не всё сразу, не в первый же день. Мне, похоже, тоже придётся учиться терпению с Финирой.

– Я хотел бы поехать с тобой в город, – продолжил я, как ни в чём не бывало. – Подожду тебя в общей гостиной, Чали проводит. А потом я покажу тебе Собор, – добавил, внимательно наблюдая за ней.

– Да, Аллард, – Финира наклонила голову, и толстый золотистый локон мягко скользнул по гладкой щеке.

Тут же захотелось отвести его, заправить за маленькое, аккуратное ушко, но я сдержал порыв. Нет, с нежностями подождём, хотя очень хотелось обнять, погладить по голове и уверить, что всё будет хорошо. Ведь когда-то Финира была другой, умела улыбаться и смеяться, грустить и радоваться. И я верну ей всё это, что бы мне это не стоило. Неслышно вздохнув, кивнул.

– Хорошо, – потом посмотрел на портниху. – Помогите Финире с выбором, пожалуйста, – попросил на всякий случай, вдруг у моей гостьи в её нынешнем состоянии проблемы с понятиями «нравится-не нравится».

– Да, господин Аллард, – портниха кивнула.

Я вышел из комнаты и направился в общую гостиную, и почему-то меня не покидало странное ощущение предвкушения, и улыбка не хотела уходить с губ. Будет интересно наблюдать, как Финира будет делать покупки, ведь я предоставлю ей самой возможность решать, что выбрать. Начинать надо с малого: пусть попробует ориентироваться именно в своих желаниях, а не оглядываться на моё одобрение или недовольство. А там, глядишь, дело сдвинется с мёртвой точки. Присев в кресло, я потянулся к вазе с фруктами, ожидая Финиру. Любопытно взглянуть на неё в другом наряде кроме этого белого балахона, что был на ней. И не сомневаюсь, портниха не подведёт. Кинул в рот сочную дольку персика, запил прохладным соком из графина, стоявшего тут же, и расслабленно откинулся на спинку. Недавнее посещение вдовы отошло

на задний план, подёрнулось тусклой дымкой, чему я только радовался, отвлёкшись на другие, насущные дела. Обычно после подобных заданий отходил несколько дней, не меньше, ещё и гадкое чувство вины перед Рахиной примешивалось.

Теперь же мои мысли занимала только Финира и предстоящая поездка. О, думаю, это будет очень познавательно во всех смыслах, и интересно тоже…

– О, господин Аллард, я не ожидала, что вы здесь будете, – ворвался в мои радужные мысли приятный, мелодичный голос.

Я резко выпрямился и обернулся: Шиарра. Она всегда двигалась бесшумно, как кошка, и на неё же была похожа. Высокая, гибкая, черноволосая, с раскосыми кошачьими глазами цвета янтаря и мягкой улыбкой. Едва поймал порыв досадно поморщиться – только её мне сейчас не хватало здесь. Но быть невежливой с девушкой только потому, что она невовремя вышла из своих покоев, это уже верх невоспитанности. Я вежливо улыбнулся и кивнул.

– День добрый, Шиарра, – благожелательно поздоровался, стараясь не сильно коситься за её спину, на вход в гостиную.

Она плавной походкой подошла ко мне, не сводя пристального взгляда, в котором таилась лёгкая неуверенность и напряжённость, присела на краешек дивана. Разгладила тонкий шёлк платья и спросила:

– Я слышала, вы привели новую девушку, господин Аллард?

Постановка вопроса мне очень не понравилась, как и вообще интерес Шиарры к Финире. Прищурившись, посмотрел на неё, мелькнула невесёлая мысль, что не везёт мне с женщинами – к моему несчастью, эту девушку угораздило влюбиться в меня, кажется, по-настоящему, и если та же Рахина не искала моего общества чаще, чем этого требовали её специфические обязанности, то Шиарра при каждом удобном случае старалась попасться на глаза. Даже зная, что я ничего не могу ей дать сверх того, что между нами существовало на данный момент. Любовь нельзя заставить появиться по желанию, а оказывать знаки внимания из жалости – это даже хуже откровенной лжи.

– Финира – гостья, – спокойно ответил я, и мелькнула мысль, что надо бы попросить экономку поставить Бездушной на дверь защёлку.

Я не питал иллюзий насчёт Шиарры – с неё станется подстраивать мелкие гадости, если она заметит, что я уделяю Финире внимания больше, чем остальным девушкам. Знала ведь, серьёзно наказать не смогу, и выгнать – тоже… Безнадёжная ситуация, как ни крути. Мне без Шиарры не обойтись, и она это прекрасно знает, чем и пытается пользоваться. Услышав мой ответ, она подняла брови, на лице девушки мелькнула озадаченность, а потом оно снова стало замкнутым и настороженным.

– Гостья? Вы редко водите к себе гостей, господин Аллард, – небрежно заметила она, снова нервно проведя пальцами по складке на юбке. – Особенно таких.

Ей я сознательно не позволял называть себя просто по имени, не желая сокращать расстояние между нами. Как бы жестоко это не выглядело со стороны.

– Шиарра, – мягко заговорил я, но с предупреждающими нотками. – Я не обязан отчитываться тебе в моих действиях. И если сочту нужным, я познакомлю тебя с Финирой. Но если узнаю, что ты ей надоедаешь, – прищурился и на мгновение задумался, чем же можно пригрозить упрямой, – ты больше не увидишь меня кроме тех моментов, когда мне будет требоваться твоя помощь. Ты поняла? – дождавшись растерянного кивка Шиарры – раньше я сквозь пальцы смотрел на её мелкие пакости, да и в последнее время она вела себя прилично, поняв, что ни к кому из девушек в моём гареме я не питаю сколько-нибудь серьёзных чувств, – я закончил мысль. – А я узнаю, Шиарра. Мы договорились? – я пристально глянул на неё.

Она опустила глаза на руки и молча кивнула.

– Простите, господин Аллард, мне в самом деле не стоило лезть в ваши дела, – пробормотала сдавленно Шиарра и, поднявшись, поспешно вышла из гостиной.

Посмотрев ей вслед, я нахмурился, в груди завозилось беспокойство. А не сглупил ли, так явно показав особый статус Финиры? Я же толком и не знаю на самом деле, какая Шиарра, на что она способна всерьёз…

Мои размышления прервала появившаяся гостья, и пришлось срочно изгонять с лица хмурое выражение – не хочу, чтобы Финира заметила моё беспокойство. А увидев результат усилий портнихи, я, признаться, приятно удивился. Простое шёлковое платье с длинными широкими рукавами из полупрозрачной золотистой ткани в тон всему наряду очень шло ей, освежая и придавая особую прозрачность зелёным глазам. Пшеничные локоны свободно лежали на плечах, и глядя на Финиру, я невольно ожидал, что она вот-вот улыбнётся немного смущённо, может, отведёт взгляд, или как-то ещё выразит эмоции.

– Вам нравится, Аллард? – ровным голосом спросила она, сложив руки перед собой и не опустив головы, бесстрастно глядя на меня.

– А тебе? – задал я встречный вопрос, поймав себя на том, что несмотря на немного неестественное поведение Финиры, всё же, любуюсь девушкой.

Улыбка ей, несомненно, пойдёт.

– Мне? – переспросила она, и я кивком подтвердил правильность моего вопроса.

– Тебе, Финира.

Она оглядела себя, провела ладонями по платью, и на миг на отстранённом лице мелькнула тень задумчивости. Неужели?!

– Мне приятно быть так одетой, – чуть помедлив, всё же ответила она, и я возгордился, как юнец, добившийся от своей зазнобы первого робкого поцелуя в щёчку.

Уже хорошо, что она понимает хотя бы, что может быть ей приятно, а что нет. На этом тоже можно сыграть, и заодно есть, с чего начинать. Всё-таки, что-то она может если не чувствовать, то ощущать, пусть на уровне таких простых понятий.

– Хорошо, – я улыбнулся и поднялся, потом подошёл к ней. – Тогда пойдём, у нас по плану прогулка по городу.

Про магазины я сознательно не стал говорить, пусть будет сюрпризом. Посмотрю, как Финира отреагирует на предложение зайти и купить что-нибудь. Остановившись рядом с гостьей, я взял её изящную кисть и положил себе на локоть, искоса глянув на девушку – как поведёт себя? Но, видимо, на ближайшее время она исчерпала свой скудный запас чего-то, похожего на отголоски эмоций. Финира смотрела перед собой, её рука расслабленно лежала на моём предплечье, и со стороны мы, наверное, смотрелись очень неплохо. Если бы не бесстрастная маска на красивом лице.

Для прогулки я решил выбрать открытый двухместный экипаж, не зная, умеет ли Финира ездить верхом. Да и удобнее, если мы собираемся ещё за покупками. И хотелось, чтобы она начала привыкать ко мне. Я помог Финире забраться по ступенькам, поднялся следом и сел рядом с ней, постаравшись не помять юбку её нового платья. А потом, даже не раздумывая о причинах собственного поступка, взял прохладную ладошку и положил на свою, рассматривая красивые, длинные пальцы и аккуратно подстриженные ноготки. Почему-то мелькнула мысль о музыкальном инструменте – у Финиры руки, предназначенные для музыки. Арфа, гитара, или пианино очень бы ей подошли, как мне кажется. Я медленно провёл по изящной кисти и, ни на что особо не надеясь, спросил мою спутницу:

– Финира, ты когда-нибудь играла на музыкальных инструментах, не помнишь?

Она ответила не сразу, словно в самом деле пыталась вспомнить.

– Нет, Аллард, – произнесла она, и я поймал себя на том, что уже почти не вздрагиваю от её бесстрастного голоса и сам пытаюсь добавить в них эмоций.

Вот здесь, пожалуй, подошла бы задумчивость.

– Прежний хозяин не давал мне никаких инструментов, – добавила Финира.

Руку она не убрала, из чего я заключил, что мои прикосновения не вызывают у неё неприязни. Надеюсь на это. Я продолжил легонько поглаживать бархатистую кожу, обводил чуть выступавшие косточки и ловил себя на том, что мне нравится прикасаться к руке Финиры.

– И что же ты делала, когда… не была занята? – я чуть запнулся, подбирая слова, чтобы избежать упоминания того, в чём состояла роль моей гостьи в её прошлой жизни.

Что она убивала, забирая чувства людей, оставляя их опустошёнными оболочками без души, не знающими, как дальше жить, и предпочитавшими самый простой выход – смерть. Незачем возвращаться к тому, что уже закончилось и никогда не повторится. Я очень постараюсь, чтобы Финира забыла всё, что было с ней раньше, и у неё появились другие воспоминания, хорошие, добрые, светлые.

– Ждала хозяина у себя, – просто ответила Финира, ничуть не смутившись моего вопроса.

– Просто ждала? – удивился я, покосившись на её невозмутимое лицо.

– Да, – подтвердила она.

– Не читала, не рисовала, ничем не занималась? – зачем-то дотошно уточнил я.

– Нет, хозяин не разрешал, – пояснила Финира.

У меня в голове не укладывалось, как можно просто сидеть без дела и ждать, пока тебя позовут или не придут к тебе. Это… чудовищно.

– Я понял, – кивнул я и откинулся на спинку сиденья, мой решительный настрой показать Финире другую сторону жизни лишь укрепился.

Обязательно – музыкальный салон. Пусть посмотрит, вдруг что-то вспомнит, вдруг в жизни до Собирателя она всё-таки имела дело с инструментами. И предложить ей порисовать, вдруг понравится. Хотелось добавить в её жизнь ярких красок, во всех смыслах. Между тем, мы выехали с территории дворца и экипаж неторопливо покатился по широким улицам Феира, мощёным светло-жёлтым булыжником. Мне нравился мой город с его домами из песчанника всех оттенков жёлтого, от насыщенного янтарного до бледно-золотистого, отполированного до прозрачности. Каменные арки входов, увитые цветущими растениями, ведущие в маленькие дворики перед богатыми особняками,

разноцветная плитка и мозаика на стенах, витражи в окнах – всё вместе составляло удивительно гармоничный ансамбль. В него вписывались разнообразные запахи пряностей, когда мы проезжали мимо кондитерских и булочных, какао, кофе, благовоний – это уже из маленьких часовен, посвящённых кому-нибудь из Чувств, конечно же, тонкий аромат цветов. Феир был похож на разноцветный шёлковый ковёр с причудливым узором, на который не устаёшь любоваться.

Конечно, на главном проспекте, прямой стрелой начинавшемся от моста на остров Собора, расположились дома самых влиятельных жителей города и самые дорогие и модные магазины с витринами. Я поглядывал на Финиру, пока мы ехали, по пути рассказывая про Феир, она слушала, но всё с тем же отстранённым видом, не проявляя особого интереса. А её рука так и лежала в моей ладони, уже тёплая, согретая моими прикосновениями, живая, мягкая. Мы проехали почти весь проспект, не остановившись ни у одного из магазинов – не сюда я хотел привести Финиру, не в царство дорогих побрякушек. Почему-то казалось, здесь она ничего не найдёт себе по душе, и дальше я попросил возницу свернуть к одному из ремесленных кварталов. Там зачастую в лавках можно найти удивительные вещички, пусть и не украшенные изумрудами и рубинами, но очень милые и не менее красивые. Мне нравилось там бродить, но увы, я почти ничего не покупал – дарить некому. Твёрдо знал: никто из девушек в моём гареме не оценит эти вещи, в лучшем случае вежливо поблагодарят и забудут в дальнем углу на полке. Так что, я просто бродил по этим лавочкам и наслаждался созерцанием, иногда радуя себя какой-нибудь покупкой.

Мы свернули на небольшую улочку, я попросил остановиться и повернулся к Финире.

– Ты не против дальше пешком прогуляться? – спросил её, внимательно глядя в глаза.

– Если вам угодно, Аллард, – ответила она.

Я внутренне поморщился, но понял, что пока бесполезно добиваться от Финиры большего.

– Если устанешь, скажи, – попросил я, справедливо полагая, что моя гостья не приучена к высказыванию своих желаний и будет молчать, а значит, нужно

обозначить, что со мной она может говорить о них свободно.

– Хорошо, – коротко отозвалась Финира, приняв мою протянутую руку и выйдя за мной из экипажа.

Мы неторопливо пошли по тротуару, направляясь к одной из лавок, где продавали разные безделушки для женщин, я всё поглядывал на девушку рядом со мной, пытаясь уловить на красивом лице хоть какие-то проблески эмоций, но тщетно. О чём заводить разговор, я тоже пока не знал – разве, о её прошлом до попадания к Собирателю?

– Ты помнишь, откуда ты? – негромко поинтересовался я, прижимая руку Финиры к себе.

– Нет, Аллард, – она покачала головой, а потом, к моему удивлению, продолжила. – Только какие-то смутные картинки, которые я даже не знаю, к чему в моей прошлой жизни относятся.

Самая длинная фраза, какую я до сих пор слышал от Финиры.

– Хорошо, я понял, – я свернул к ближайшей лавке и открыл перед девушкой дверь. – Заходи, – сказал, ничего не объясняя, и моя гостья, ничего не спрашивая, зашла внутрь.

В лавке вкусно пахло деревом, сушёными травами, всюду на стенах висели зеркала разных размеров, яркие коврики, ещё всякие безделушки, предназначенные для создания уюта в доме. На полках и нескольких столиках стояли шкатулки, статуэтки, в коробках лежали ленты, заколки, кошельки и прочая мелочёвка, расшитая бисером, украшенная тонкими чешуйками перламутра и эмали. За прилавком стояла невысокая худая женщина неопределённых лет с добрым, улыбчивым лицом – хозяйка лавки. Все товары делала её большая семья: она сама, дочери, муж, сыновья. Место популярное среди жителей этого квартала, зажиточных торговцев, кузнецов, булочников и других респектабельных жителей, честно зарабатывавших свой хлеб.

У порога я придержал Финиру за плечи и наклонился к её уху, тихо сказав:

– Ты можешь взять здесь всё, что тебе понравится. Я заплачу. Если ничего не глянется, ничего страшного, пойдём в следующую лавку. Поняла?

Она даже не вздрогнула, когда услышала мой голос, и не попыталась отстраниться. Замерла, молча дождалась, когда я закончу, а я вдруг поймал себя на том, что не могу отвести взгляда от маленького круглого ушка, розовой раковины, по краю которой так захотелось провести кончиком языка. Медленно, едва касаясь, и посмотреть, как отреагирует Финира.

– Да, Аллард, – голос гостьи привёл меня в чувство, и я выпрямился.

Даже если отреагирует, то это будет всего лишь физическая реакция, не эмоции. Приветливо улыбнувшись хозяйке лавки, я легонько подтолкнул Финиру, а сам остался на месте, наблюдать. Вмешиваться в процесс выбора не собирался ни при каких обстоятельствах, сколько бы она не оглядывалась на меня. Женщина вышла из-за прилавка, покосилась на меня и подошла к Финире.

– Вас что-то конкретное интересует? – спросила она, искренне собираясь помочь.

Я не остановил её. Пусть Финира учится общаться с обычными людьми, наверняка и этого она не умеет.

– Не знаю, – честно ответила моя странная подопечная.

Хозяйка правильно поняла происходящее и не стала надоедать своим вниманием.

– Если что-то понравится, обращайтесь, подскажу, – улыбнулась она Финире и отошла обратно к прилавку.

Бездушная осталась предоставлена сама себе и своим желаниям, чего я и добивался. Она медленно пошла мимо столов, рассматривая вещи, но не прикасаясь к ним, словно в самом деле прислушивалась к себе и пыталась понять, нравится ей что-то или нет. А я задумался, делает ли она это потому, что я приказал – именно так она пока воспринимала мои просьбы, как приказы, – или действительно ищет, что ей приглянется. Пока понять не представлялось возможным, вряд ли Финира сама до конца осознавала, какие мотивы ею

движут, и мне уж точно не смогла бы объяснить.

А потом она остановилась перед очередным столом, где стоял ящик с разной мелочёвкой и протянула руку, вытащив обычное ручное зеркало в серебряной оправе, украшенное мелким жемчугом неправильной формы. И её лицо дрогнуло, по нему пробежала тень. Я с замиранием сердца увидел, что фарфоровая маска дала трещину, и заметил первую серьёзную эмоцию – замешательство.

Глава 4

Она смотрела на зеркало, поглаживала жемчуг, но Финира не видела своего отражения. На серебристой поверхности её остановившийся взгляд видел картинку светлой, просторной комнаты с воздушным тюлем на окнах, расшитым золотой нитью, девушки, сидевшей спиной, с такими же золотистыми распущенными волосами, как у Финиры. Девушка держала зеркало. Точно такое же, какое сейчас было в пальцах самой Бездушной. А ещё, она смеялась – нежно, мелодично и удивительно легко.

– Мама, какая прелесть! Спасибо! – раздался в ушах Финиры голос, и в нём она узнала свой собственный, только полный эмоций, чувств, красок.

Девушка в отражении радовалась подарку, солнечному дню, да вообще, жизни. Она была счастлива, у неё была мама, которая её любила и баловала свою ненаглядную дочь. Кто она?.. Рука Финиры дрогнула, и Бездушная рывком вернулась в настоящее, осознала, что она стоит в лавке и держит простое зеркало в серебряной оправе, украшенной жемчугом. В груди странно жгло, будто внутрь положили молодой крапивы, воздуха не хватало, и девушка дышала часто и приоткрыв рот. Она позабыла, что не одна в лавке, что на неё смотрят, Финира полностью сосредоточилась на своих странных ощущениях. Она не понимала, что происходит, и наверное, если умела бы чувствовать, испугалась. Или забеспокоилась. Правильные названия сами всплыли в голове, хотя вспомнить, как это, Финира так и не смогла. Но зеркало определённо что-то значило для неё в прошлом, что-то хорошее и светлое. Может, не конкретно это, просто очень похожее, но оно всколыхнуло воспоминания, давно похороненные в самой глубине подсознания.

Бездушная оглянулась, встретила внимательный и одновременно встревоженный взгляд Алларда. Он наблюдал за ней молча, скрестив руки на груди и без тени улыбки на лице, и едва увидел, что она повернулась, тут же негромко спросил:

– Финира? Всё в порядке?

Девушка, помедлив, кивнула и снова опустила глаза на зеркало. Оно ей нравилось. Его было приятно держать в руках, и в нём отражалось её лицо, вроде прежнее, но в то же время Финира отметила, что в нём что-то неуловимо изменилось. Что именно, она сказать не могла, однако всматривалась и всматривалась в свои глаза, ей чудилось, в их глубине затаилась тень… чего? Девушка вскинула голову, сжав пальцами рукоятку зеркала.

– Оно мне нравится, – вполголоса произнесла Финира, сделав окончательный выбор.

Ведь новый хозяин сказал ей выбирать то, что нравится. А когда Аллард с облегчением улыбнулся, девушка поняла, что он доволен её поступком.

– Вот и отлично, – отозвался он и подошёл к прилавку. – Что-то ещё, может?

Бездушная обвела взглядом помещение, скользя взглядом по предметам, и медленно покачала головой. Ей неожиданно захотелось на свежий воздух, к свету из этой полутёмной комнаты, запахи сушёных цветов и другие, ткани, кожи, дерева неприятно щекотали нос, и хотелось то и дело морщиться.

– Хорошо, – Аллард кивнул и достал несколько монет из кошелька. – Благодарю вас, – он снова улыбнулся, теперь женщине, хозяйке лавки.

Потом подошёл к Финире, положил её ладонь к себе на локоть, и они вышли из лавки. И опять девушка подумала, что действия Алларда не вызывают у неё неприязни, ей не хочется отодвинуться или отобрать руку. А его подвижное, живое лицо, на котором Финира легко читала эмоции, даже когда он старался сдерживаться, так и притягивало взгляд, на него хотелось смотреть и смотреть. Но Бездушная не знала, понравится ли это новому хозяину, а потому глядела прямо перед собой, крепко сжимая в другой руке зеркало.

Я пытался сдержать мальчишеское ликование и заталкивал упорно лезшие в голову вопросы, которые так и хотелось задать Финире. Это зеркало точно что-то для неё значило, я же видел, я заметил! Но эмоции мелькнули слишком быстро, её лицо снова стало фарфоровой маской, а глаза – непроницаемыми, ярко-зелёными окнами, за которыми ничего не разглядеть. Что ж, ладно, оставлю расспросы на потом, нас ещё ждёт посещение Собора. Весь его точно не успею показать, он громадный, а вот несколько частей, например, владения Радости и Счастья – с удовольствием. Любовь рано, Финира не готова ещё. Вечером же можно спокойно посидеть в садике и попробовать расспросить мою подопечную, чем же так зацепило её это простенькое зеркало.

То, как она сжимала его в руках, я подметил и даже не пытался уговорить отдать вещь. Пусть несёт, если для Финиры это важно.

– Какие запахи тебе нравятся? – задал я нейтральный вопрос – мы подходили к парфюмерной лавке.

– Запахи? – переспросила девушка, и вот здесь должно было звучать удивление, которого не было.

– Запахи, ароматы, – я махнул рукой. – Ты разве не чувствуешь их? – уточнил на всякий случай, покосившись на спутницу.

– Чувствую, – кивнула она. – Я никогда не задумывалась, какие мне нравятся, – призналась Финира, и от её слов в груди потеплело.

Она начинала говорить, уже победа. Не односложно отвечать на мои вопросы или просьбы, а высказывать своё мнение. Ну или мысли. Я улыбнулся уголком губ и накрыл тонкие пальцы, лежавшие на моём локте. Пожалуй, следующее посещение будет интереснее.

– Сейчас зайдём ещё в одну лавку, там много всего для водных процедур, – пояснил я, сворачивая в переулок. – Выбери, что тебе понравится, – повторил просьбу.

Финира наклонила голову.

– Хорошо, Аллард.

Я подавил вздох, открыв перед ней дверь в парфюмерную лавку – не стоило и надеяться, что здесь меня ждут какие-то сюрпризы в поведении девушки, и так роскошный подарок с этим зеркалом получился. Нас окутало облако самых разнообразных ароматов, сладких, фруктовых, пряных, цветочных, свежих, хвойных – я невольно поморщился и остановился у открытого окна в надежде уловить дуновение свежего ветерка. В этой лавке в отличие от предыдущей, народу было побольше, женщины, конечно, и они громко переговаривались, обсуждали сорта мыла, шампуни, крема и прочие милые дамской душе штучки. Финира не стала подходить к прилавку, а пошла осматриваться: на столах стояли многочисленные корзинки с парфюмерными изделиями, и к моей подопечной сразу подскочила молоденькая помощница с вежливой улыбкой.

– Что желает госпожа? Шампунь, крема, мыло, может быть? Добавки для ванной? – прощебетала девочка, на вид не старше шестнадцати лет.

Бездушная чуть повернула голову и бросила на меня непроницаемый взгляд, я ободряюще улыбнулся и кивнул ей, оставляя простор для действий. Пусть учится делать собственный выбор хотя бы на таком простом уровне.

– Шампунь, – кратко ответила Финира, потом, помолчав, добавила. – И мыло тоже.

– О, я знаю, что вам предложить! – тут же с воодушевлением заявила девчушка. – У нас как раз только сегодня появились очаровательные наборы для принятия водных процедур! Вам какие запахи нравятся?..

Помощница увела Финиру вглубь лавки, и я внутренне напрягся, едва справившись с желанием последовать за ними. Нет уж, раз взялся учить её жить в новых реалиях, надо держать слово. Да и она даже не оглянулась на меня, что одновременно и порадовало, и раздосадовало. Как-то уж очень быстро Финира учится быть самостоятельной… Или просто потому, что рядом щебетала помощница и можно не задумываться о собственном выборе? Я тряхнул головой, выныривая из дебрей размышлений, отыскал взглядом Финиру – она с девушкой стояла около одного из столиков и рассматривала набор в изящной маленькой корзинке, поднося к носу то мыло, то флакончик. А я так же пристально рассматривал её красивое лицо – ну, вдруг мне повезёт, и на нём снова мелькнёт

хотя бы тень интереса?..

Нет, ничего, сдался я – лишь вежливое любопытство, похоже, Финира его скопировала с лица одной из покупательниц у прилавка. Ладно, пусть так, я не тороплюсь, не тороплюсь. В очередной раз посмотрев на подопечную, увидел, что она с корзинкой идёт к прилавку, и поспешил присоединиться, чтобы заплатить. Закончив здесь, мы вышли обратно на улицу, я нёс покупку Финиры и раздумывал, продолжить ли прогулку дальше или пойти в Собор. Несколько мгновений поколебавшись, решил всё же в пользу последнего – что-то подсказывало, на сегодня покупок хватит. А вот досугом Финиры заняться стоило, и это я обдумаю вечером, как лучше сделать.

– Как тебе удобнее обратно, пешком или экипаж возьмём? – спросил я у Финиры, как ни в чём не бывало. – До Дворца идти около получаса, если что.

Она пожала плечами, неторопливо шагая рядом со мной и глядя вперёд.

– Мне всё равно. Я не устала, Аллард, – ответила девушка.

Что ж, ладно, тогда пешком пойдём.

– Мы сейчас оставим твои покупки и пойдём в Собор, – озвучил я наши дальнейшие планы. – Я покажу тебе его изнутри. Ты же там не была нигде? – уточнил на всякий случай.

Мало ли, может, Чувства показали пленницам свои владения.

– Нет, только в темнице, – от прямолинейного ответа Финиры я едва не вздрогнул, вовремя вспомнив, что до недавнего времени Бездушные в самом деле были пленницами. – Но мы там недолго оставались, – добавила она, словно почувствовав моё состояние.

– Вот и хорошо, посмотрим Собор, – преувеличенно воодушевлённо произнёс я. – Он красивый, очень.

Чуть не добавил было, что ей понравится, но вовремя вспомнил, с кем общаюсь. Хотя… Зачем я всё время пытаюсь делать скидку на то, что Финира не такая, как

все? Может, если буду обращаться с ней, как с обычной девушкой, процесс излечения пойдёт быстрее?

– Тебе понравится, – уверенно заявил я, покосившись на неё.

– Вы так думаете? – неожиданно отозвалась Финира.

– Да, – подтвердил я, стараясь не обращать внимания на наш странный диалог.

До самого Дворца мы шли молча, но я поймал себя на том, что тишина не тяготит. Меня охватило умиротворённое настроение, я подставлял лицо солнечным лучам и жмурился, как довольный кот, а с моих губ не сходила задумчивая улыбка. Ощущение тонкой ладошки Финиры на локте было таким естественным, что я сам не заметил, как моя рука накрыла пальцы девушки. Когда впереди показался Дворец, я осведомился у неё:

– Ты проголодалась? Может, пообедаем перед Собором?

– Да, я хочу есть, – к моей радости, честно ответила Финира.

Проходя по галерее мимо дворцового сада, я мельком заметил Корхилла – он шёл по дорожке, приобнимая какую-то девушку за талию, кого именно – со спины я не видел, возможно, кто-то из его гарема. В отличие от меня, у Кора он был полным, на все чувства, но друг получал от этого больше удовольствия, чем я. Справедливости ради, женщины охотно отвечали ему взаимностью. Покосившись на Финиру, заметил, как она тоже посмотрела в сторону Кора и его спутницы, и показалось даже, в глазах мелькнуло странное выражение… Но Бездушная уже отвернулась, и красивое лицо оставалось бесстрастным.

Я проводил Финиру до её покоев.

– Хочешь переодеться или отдохнуть? – уточнил у моей гостьи, вручив ей корзинку.

– Нет, – она покачала головой и посмотрела на меня. – А надо переодеться?

Мягко улыбнувшись, я повторил её жест. Вот уж нет, Нира, принимать решения за тебя, равно как и приказывать, не собираюсь, привыкай.

– Если хочешь, – напомнил я ей своё условие насчёт её поведения.

– Не хочу, – она взялась за ручку двери.

– Тогда оставь покупки и пойдём обедать, – невозмутимо ответил я.

Девушка ненадолго скрылась в комнате, а когда вышла, я заметил, что зеркало она взяла с собой. Как ребёнок любимую игрушку. В груди стало тесно от щемящего умиления, я едва сдержал порыв обнять Финиру и прижать к себе. Не хочу пугать, или чтобы она превратно истолковала мой порыв.

– Оно так сильно тебе нравится? – вполголоса спросил я, взяв её за руку, и пошёл к столовой. – Зеркало?

– Да, – только потому, что я слишком чутко прислушивался, подметил в её голосе тень неуверенности. – Я не хочу оставлять его в комнате, – призналась Финира.

– Почему? – прямо спросил я, и сердце чуть сбилось с ритма от всплеска волнения – может, услышу что-то важное от Бездушной?

– Не хочу, чтобы оно пропало, – не совсем понятно ответила Финира.

– Во Дворце не воруют, – попытался я донести до неё правила здешней жизни. – Здесь не принято брать чужое, ведь всегда можно купить такое же или попросить подарить, – пояснил я.

Она ничего не ответила, только на несколько мгновений сжала губы. Ещё одно проявление эмоций? Может быть.

– Чем оно важно для тебя? – я открыл дверь в гостиную и пропустил Финиру.

Девушка зашла, оглянулась на меня, её золотистые брови чуть нахмурились. Я замер, ловя это ощущение – кажется, Нира сама не заметила этого движения лица, и выглядело это… очень естественно.

– Я что-то вспомнила, – медленно ответила Бездушная. – Не знаю, что это. Кажется, из прошлого, – она говорила отрывисто, короткими предложениями, и голос звучал напряжённо, хотя так же бесстрастно.

Странное, тревожное сочетание – вроде и без эмоций, но что-то проскальзывало, словно прорывалось сквозь густой туман забвения. Значит ли это, что чувства у Бездушных не отобрали, а просто заставили забыть? Загнали так глубоко, что без посторонней помощи их не вытащить обратно? Очень, очень жаль, что о прошлом Финиры не узнать, все ниточки оборваны. Разве что, она сама что-то вспомнит и расскажет.

– Поделишься? – осторожно спросил, отодвинув ей стул. – Садись, – пояснил замешкавшейся девушке.

Похоже, за ней раньше не ухаживали. Хочу или не хочу знать, как с ней обращался прежний хозяин? Некстати вспомнились дневники этого сумасшедшего маньяка, и к горлу подкатил горький ком, я поспешно загнал нехорошие мысли поглубже. Не хочу, пожалуй. Сам расспрашивать точно не буду.

– Какая-то комната, светлая, девушка сидит спиной, кажется, она чему-то радуется и разговаривает с мамой. Это она подарила зеркало девушке, – Финира помолчала, а я дёрнул шнурок, вызывая Чали. – Она держит это зеркало и очень похожа на меня, хотя я видела её со спины. Это всё, – закончила моя гостья и посмотрела на меня.

Бесстрастно, но мелькнуло ощущение, будто она ждала чего-то. Мама? Финира вспомнила свою маму? Точнее, подарок. Теперь понятно, почему она так в него вцепилась, если в самом деле мать Бездушной когда-то подарила ей похожее, и если Финира её любила, предмет в самом деле способен дать толчок и воспоминаниям, и пробуждению чувств. Да уж, иногда случайности решают очень многое в нашей жизни.

– Если вспомнишь что-то ещё, расскажешь? – спросил я, намеренно оформив просьбу вопросом.

Я ей не хозяин и не могу заставить делать то, чего она не хочет, и Финира должна научиться это понимать. Ответить моя гостья не успела, появилась экономка.

– Принеси нам, пожалуйста, обед, – попросил я Чали.

– Конечно, господин Аллард, – с доброй улыбкой отозвалась она и вышла.

– Зачем вы хотите знать, вспомню ли я что-то ещё? – Финира вернулась к нашему разговору.

– Мне интересно, – искренне признался я. – И я хочу помочь тебе, – добавил тоже истинную правду.

Бездушная помолчала, погладила лежавшее перед ней на столе зеркало, на бесстрастном лице не мелькнуло ни тени задумчивости.

– Хорошо, если я что-то вспомню, я расскажу, – ответила наконец она.

Наш обед тоже прошёл в молчании, хотя я то и дело поглядывал на Финиру – может, она и на еду как-то среагирует? Когда Чали унесла пустые тарелки, я поднялся и протянул ей руку.

– Как тебе блюда? – всё же спросил.

– Вкусно было, – Финира вложила пальцы в мою ладонь, забрала зеркало, и мы вышли из гостиной, направившись к мостику.

Ажурный, словно кружевной, он казался невесомым, ступи на него – и прогнётся, коснётся воды. Но – нет, он был прочнее каменного, сотканный из магии. На поверхности озера кое-где росли радужные лотосы с разноцветными лепестками, над ними вились бабочки и стрекозы, а впереди вздымались стены Собора, и от них будто исходило сияние.

– Тебе нравится тут? – я обвёл рукой озеро и остров.

– Красиво, – кивнула Финира и совершенно невпопад вдруг спросила. – Аллард, а зачем нужны Каратели? Убивать?

Я аж вздрогнул от такого предположения.

– Кто тебе это сказал? – сумрачно уточнил, покосившись на спутницу, хорошее настроение сразу упало. – Твой прежний Хозяин?

– Он говорил, что вы – самые страшные наши враги, и встреч с вами нужно избегать, – послушно ответила Финира. – Что встреча с Карателем несёт смерть.

Я помолчал. В чём-то она права, эта девочка с искалеченным сознанием. Да, мы – убийцы, палачи тех, кто не умеет правильно распорядиться чувствами, кто обращает их во вред себе, даже те, которые призваны дарить счастье и радость. Но мы же – и лекари, призванные врачевать людские души, переполненные злобой, ненавистью, горем, отчаянием.

– Мы несём смерть только тем, кто по-настоящему опасен и не способен вернуться к нормальной жизни, – наконец ответил Финире, тщательно подбирая слова. Я не хотел, чтобы она неправильно поняла меня. – Но мы не убиваем. Мы всего лишь забираем чувства.

Нира повернулась ко мне и посмотрела своими бездонными, непроницаемыми глазами, которые так хотелось наполнить светом улыбки и радости.

– Тогда чем Каратели отличаются от нас, Бездушных? – задала она следующий вопрос. – Мы тоже забирали чувства.

Она в самом деле не понимала, осознал я через мгновение.

– Вы отнимали их против воли людей, Финира, тем самым убивая без разбора, – тихо ответил я, погладив тонкие пальцы, лежавшие на моём локте. – И отдавали тому, кто вознамерился стать единоличным властителем людских чувств, решать, кого каким чувством наделить, и кого какого чувства лишить, – я не смотрел на неё, не желая видеть фарфоровую маску вместо лица. Она всё равно не поймёт ничего из моих объяснений, тогда зачем я это говорю? – Мы всего лишь помогаем поддерживать равновесие и приходим, когда другого выхода

нет.

– А Каратели кому отдают забранные чувства? – Финира каким-то образом ухитрялась задавать очень правильные вопросы, вдруг отметил я и всё-таки покосился на неё.

Сосредоточенность. Наверное, так можно было назвать игру мышц на красивом лице, выглядевшую странно в сочетании с непроницаемым взглядом цвета весенней листвы. Ровно в тот момент, когда я посмотрел на неё, Бездушная подняла голову, и наши глаза встретились.

– Так кому вы отдаёте чувства, которые забрали? – повторила она свой вопрос, и показалось, смотрит Финира прямо мне в душу.

Я не отвёл взгляда, не собираясь её обманывать. Она пока не может меня судить, ну так пусть видит таким, какой есть. Не плохой, не хороший, просто… Каратель. Тот, кто помогает сохранять равновесие.

– Их забирают те, кто может их впитать, – честно объяснил, как мог, то, что происходило между мной и девушками из гарема. – А потом отпустить, не накапливая в себе. Это редкий дар, и проявляется он довольно редко.

Дальше по мосту мы шли некоторое время молча, и я подумал было, что вопросы у Финиры закончились, но – нет, ошибался.

– Прежний хозяин забирал у нас эмоции через близость, – заговорила она снова, глядя вперёд. – У вас так же, да?

– Да, – кратко ответил я, вспомнив, что вычитал в дневнике того психа из Костяной башни.

Что именно он делал с Бездушными, чтобы изъять у них накопленные эмоции. Меня чуть не передёрнуло, и я поспешил добавить к своему ответу:

– Только я не издеваюсь над девушками, не связываю их, не бью и не… принуждаю, – перед последним словом запнулся, вспомнив дневную встречу с Рахиной.

Ну нет, принуждением я бы не назвал то, что произошло между нами! Там всё сложнее. Мой взгляд скользнул по ажурным стенам Собора, ставшим совсем близкими – мы почти перешли озеро. Мелькнула ещё одна неожиданная мысль, когда я посмотрел на гладкую, безмятежную бирюзовую воду.

– Финира, ты умеешь плавать? – спросил девушку, ступив на землю острова.

– Не знаю, – огорошила она ответом. – Хозяин не водил туда, где можно плавать.

– Хм, – я кашлянул, не спеша отпускать мысль от себя.

Список вещей, с которыми я собирался познакомить Ниру в надежде спровоцировать её на эмоции, пополнился ещё одним пунктом. Во Дворце был свой закрытый пляж, выход на берег озера, где можно позагорать и покупаться, и никто посторонний не увидит.

– Вы хотите, чтобы я научилась? – уточнила Финира, разглядывая Собор.

– Посмотрим, – обтекаемо ответил я, спрятав улыбку и с облегчением переведя дух, радуясь, что девушка сменила тему.

Слишком уж серьёзные вопросы она начала задавать, если честно. Тем временем, мы подошли к входу в Собор и вступили под прохладные, высокие своды. Финира оглядывалась всё с тем же непроницаемым лицом, а потом снова начала расспросы, пока мы шли через просторный общий холл, тянувшийся вперёд и украшенный рядами тонких резных колонн по бокам.

– Зачем Чувствам забирать лишнее у людей через вас? – вопрос Бездушной чуть не застал меня врасплох, признаться. – Что они получают с этого?

– Они хотят, чтобы люди жили в гармонии с собой, – начал терпеливо объяснять я, свернув направо, в ту часть, где обитали Счастье и Радость. – Для этого и нужны Каратели. Чувства помогают людям стать немного счастливее в этой жизни, – я всё-таки улыбнулся уголком губ, покосившись на Финиру.

– Они – боги? – простодушно уточнила она, скользя взглядом по расписным стенам, мозаичным панно, витражам.

Я негромко рассмеялся, и как-то так само получилось, что мои пальцы погладили ладонь Финиры, лежавшую на моём локте.

– Нет, что ты. Это слишком громко. Чувства – это, скорее, проекции, воплощения. Они ощущают сильные всплески своих чувств в городе и оставляют кому-нибудь из нас задания, – пояснил я.

– Как они появились в мире? – Финира проводила взглядом яркую птичку, бесшумно пронёсшуюся над нашими головами – мы приближались к владениям Радости.

– Это бывшие жрицы богини, когда-то присматривавшей за нашим миром, – начал рассказывать я, пока мы неторопливо поднимались по широкой пологой лестнице, красивым завитком приникшей к мозаичной стене. – Её имя не сохранили ни легенды, ни летописи. Также, как и причину, по которой богиня покинула наш мир. Но перед уходом она решила, что нехорошо оставлять мир без присмотра. А ещё, она считала, что все беды людей от несдержанности и чрезмерной эмоциональности, – я помолчал, рассеянно скользнув взглядом по витражу на стекле. – Поэтому прежде, чем покинуть наш мир, богиня предложила своим жрицам принять от неё дар, воплощение одного из Чувств и помогать поддерживать равновесие. Согласились все жрицы, – я свернул в красивый арочный коридор, сделанный в виде оранжереи.

По стенам вились причудливые цветы, отделанные эмалью и полудрагоценными камнями, среди них прятались и настоящие, наполняя воздух тонким ароматом, откуда-то доносилось тихое журчание воды – в конце коридора, если правильно помню, прямо из стены выбивался звонкий ручеёк, красиво спадая из стока снаружи небольшим водопадом в маленький пруд внизу, во внутреннем дворике Собора. В нишах прятались удобные диванчики, на которых можно посидеть, отдохнуть, насладиться тишиной и красотой этого места.

– И с тех пор они помогают поддерживать гармонию, – закончил я рассказ о Чувствах.

– Сколько их? – пальчики Финиры осторожно коснулись стены, провели по выпуклым лепесткам, покрытым алой эмалью.

– Восемь, – я продолжал внимательно наблюдать за подопечной, уже привычно пытаясь уловить отблески эмоций на её лице, и начал перечислять. – Радость, Счастье, Любовь, Печаль, Злость, Ненависть, Страх и Ревность.

– И со сколькими из них ты знаком? – Нира медленно шла по коридору, не отрывая свободной руки от стены, и не смотрела на меня.

– Со всеми, конечно, – уверенно ответил я, следуя на шаг позади неё, заложив руки за спину. – Мы же общаемся…

– Ты не понял, – девушка остановилась и повернулась ко мне, посмотрев прямо в глаза, серьёзная и отстранённая. – Не с воплощениями. С настоящими чувствами. Ты знаком с радостью, счастьем? Печалью, злостью, остальными? Ты испытывал когда-нибудь любовь, Аллард?

Её вопрос настолько обескуражил меня своей глубиной, что я не сразу заметил, что она обращается ко мне на «ты». Стоял и как дурак, смотрел на неё, силясь найти подходящий ответ. Казалось, даже вода притихла, ожидая его, мир вокруг замедлился, грозя застыть каплей смолы в пространстве. Ох, девочка, что ж ты делаешь со мной, зачем так глубоко заставляешь заглядывать к себе в душу? Или… На это и рассчитывала Любовь, вручая мне Бездушную?

– В той или иной степени – да, я знаком со всеми этими чувствами, – наконец медленно ответил я, не опуская взгляда. – Почему ты спрашиваешь?

Моя ладонь так же медленно поднялась и дотронулась её лица, пальцы провели по гладкой, тёплой щеке. Немного странное ощущение, мне почему-то казалось, кожа Финиры прохладная, как фарфоровая маска. Хорошо, что оно оказалось обманчиво, прикасаться к ней оказалось приятно. А ещё приятнее, что она не отшатнулась, не попыталась избежать моей внезапной ласки. И пусть лицо её так и осталось бесстрастным, я подметил, как расширились зрачки в красивых, ярко-зелёных, как изумруды, глазах.

– Если ты не знаешь, что такое радость, как ты можешь научить меня чувствовать её? – ответила Финира, и меня как пыльным мешком огрели по голове.

Я опустил руку, долго смотрел на Бездушную, понимая, что она права, как ни ужасно звучит, потом без слов взял её за свободную руку и повёл дальше, во владения… Радости, да. Мы молча вышли из коридора на площадку ажурной витой лестницы, похожей на причудливое переплетение живых лиан с крупными бордовыми цветами, и начали неторопливо спускаться.

– Я знаю, что такое радость, – негромко заговорил я, настоятельная потребность донести до Финиры, что у меня получится, была сродни зуду, хотелось объяснить ей, что вдвоём мы справимся. – Я умею радоваться и с удовольствием это делаю, Нира. Это чудесное чувство, я уверен, ты и сама это скоро вспомнишь.

Да, вспомнит. Я намеренно использовал именно это слово, не веря, что Финира совсем не умеет испытывать чувства. Она просто забыла.

– А любовь? – следующий вопрос Бездушной снова задел болезненные струны души. – Ты знаешь, что это такое?

Знаю ли? Какой очередной хороший вопрос, моя слишком проницательная девочка.

– Я любил своих родителей, и до сих пор люблю папу, хотя мы редко видимся, – начал говорить я, глядя под ноги. – Люблю друзей – по-дружески, конечно, без всяких намёков. Да, Нира, наверное, я могу сказать, что знаю это чувство.

– А маму не любишь? – такой немного детский, наивный вопрос, заданный ровным, отстранённым тоном, прозвучал странно, но уже почти привычно.

– Мама умерла давно, – я пожал плечами. – Так что, с печалью я тоже знаком, Нира. Спасибо, что сама решила обращаться ко мне на «ты», – неожиданно даже для самого себя поблагодарил я, покосившись на неё. – Мне приятно.

Кажется, я нащупал стиль общения, наиболее приемлемый сейчас для нас с Финирой, чтобы она лучше понимала, что и как ей делать, не задавая лишних вопросов. Раз пока мы только в самом начале, будем отталкиваться от простых понятий на уровне «нравится-не нравится». С зеркалом вон как отлично сработало, и с платьем тоже.

– А остальные? Ревность, злость? Ненависть? – Финира не собиралась оставлять меня в покое, похоже, вознамерившись до конца узнать, как у меня обстоит дело с чувствами.

Мы дошли до конца лестницы и остановились у двери, покрытой искусной резьбой, изображавшей разные сценки из жизни. Вот чья-то свадьба, вот рождение ребёнка, а вот просто люди веселились на каком-то празднике. Можно было разглядеть мельчайшие детали, которые изобразил искусный резчик – хотя, я склонялся, что это магия, а не чьи-то руки. Уж слишком подробными были картинки.

– Давай пока остановимся на радости и счастье, – решительно заявил я и толкнул дверь, пропуская Финиру вперёд. – Добро пожаловать в царство первой, Нира.

Глава 5

– Как тебя зовут? – с искренним любопытством спросила девушка, сидевшая рядом на скамейке.

Танния посмотрела на неё, отметив и точёную, изящную фигурку, которую почти не скрывали полупрозрачные одежды, и нежные черты лица, обрамлённые локонами цвета карамели. Серо-зелёные, красивые глаза опушали длинные ресницы, а на гладкой коже лица словно кто-то рассыпал крошки от ржаного хлеба. Девушка была красива мягкой, деликатной, какой-то уютной красотой, которая всегда привлекала мужчин. И улыбалась она открыто и доброжелательно, глядя на безучастную Таннию. Лишь привычка подмечать малейшие детали позволила Бездушной уловить в самой глубине взгляда новой знакомой странное выражение, даже его тень, скорее. Настороженность. Или опасение? Или готовность в любой момент… что? Танния безучастно отмахнулась от вопросов: какая разница, что именно отражалось во взгляде собеседницы.

– Танния, – послушно ответила она.

– Ты новая девушка в гареме Корхилла, да? – продолжила она расспросы и подхватила с блюда сочную дольку ананаса. – Ходят слухи, он сам тебя привёл? – она чуть понизила голос и подалась вперёд, на её лице промелькнуло

любопытство.

Потом вдруг девушка виновато ойкнула и прижала ладошку к губам.

– Прости, я не представилась, – поспешно добавила она и снова улыбнулась. – Я – Силанна.

Танния наклонила голову в вежливом приветствии. Они сидели в одном из внутренних садиков, на изящной скамейке с мягким сиденьем. Вокруг росли пышные кусты, на которых покачивались крупные бордовые цветы, распространявшие густой, сладковатый аромат. Рядом со столиком журчал низенький фонтан с утопленной прямо в мраморном полу чашей, и ножки Силанны, освобождённые от туфелек, касались прозрачной воды, в которой плавали лепестки. День и правда выдался жарким, как отметила Танния, и, подумав, она последовала примеру Силанны, сбросив обувь и опустив пальцы в прохладную воду.

– А если не секрет, зачем ты ему? – продолжила расспросы Лан, и в её голосе проскользнуло лёгкое удивление. – Вроде, у Корхилла для всех чувств девушки есть…

– Вот вы где, красавицы мои! – их разговор прервался появлением самого Карателя, и Силанна, мило зардевшись, замолчала, опустив взгляд.

Танния опять отметила, как учащённо начала вздыматься её грудь, как под полупрозрачной материей проступили тёмные горошины напрягшихся сосков – белья под платьем у Силанны не было, а глубокий вырез едва прикрывал соблазнительные полушария. Впрочем, здесь их никто посторонний увидеть не мог, во внутренние покои Карателей могли зайти только те, кого сюда приглашали сами хозяева, как пояснила Таннии экономка, помогая переодеваться.

– Корхилл! – тихо воскликнула Силанна, явно разволновавшись – об этом говорил и особый блеск, появившийся в её глазах, и приоткрытые губы, которые девушка быстро облизнула.

– Здравствуй, Лани, – Каратель с нежной улыбкой посмотрел на девушку, потом взял её ладонь, не сводя взгляда, и медленно перецеловал каждый пальчик. –

Чудно выглядишь, радость моя. Смотрю, развлекаешь мою новую гостью? – тёмная бровь поднялась, а в голосе мужчины проскользнуло странное выражение, которое Танния не смогла распознать.

– Ну, – та явно смутилась и прерывисто вздохнула, не торопясь высвобождать ладонь – Корхилл так и держал её в своей руке, словно в задумчивости поглаживая тонкие пальцы. – Я просто вышла во двор погулять, вижу – здесь Танния, – пояснила она и подняла взгляд на Карателя. – Что-то не так? – с лёгким беспокойством переспросила она.

– О, всё отлично, малышка, – успокоил её Корхилл. – Я и сам хотел попросить не давать Тан скучать в одиночестве, – он бросил рассеянный взгляд на скамейку, на которой могли уместиться только двое, на молчаливую Бездушную, наблюдавшую за ним и Силанной без малейших признаков эмоций на красивом лице. – К сожалению, я не смогу проводить с ней всё своё свободное время, – Кор вздохнул и посмотрел прямо в непроницаемые глаза цвета аквамарина.

Такие же холодные, как эти камни. Лани поспешно поднялась, освобождая место и правильно угадав намерения Корхилла провести время с новой гостьей.

– Мне уйти? – уточнила она, обратив внимание на безучастность девушки, и это её удивило – к Кору не оставалась равнодушной ни одна женщина от шестнадцати до восьмидесяти.

– Ты мне не мешаешь, – тепло улыбнулся ей Корхилл и наконец отпустил ладонь. – Я просто хочу пообщаться с Таннией, – его взгляд вернулся к молча сидевшей Бездушной.

Поколебавшись, Силанна отошла и расположилась на небольшом возвышении с другой стороны фонтанчика, похожем на диван из мрамора, заваленный множеством ярких подушечек. Она легла, опёршись локтем, и взяла со столика рядом раскрытую книгу, казалось, потеряв всякий интерес к происходящему совсем рядом. Корхилл же сел рядом с Таннией, положил руку на спинку, повернувшись к девушке, и внимательно вгляделся в её лицо.

– Скажи, а другие тоже были такими же красивыми? – спросил Каратель, улыбнувшись уголком губ.

– Да, – коротко ответила она, глядя ему в глаза. – Хозяин любил красивые вещи.

Кор склонил голову, его взгляд медленно скользил по Таннии, словно оценивая: её наряд, конечно, был скромнее, чем у Силанны, но тоже с довольно глубоким вырезом и из тонкой ткани. А белья под него ей не выдали, портниха сказала, принесёт позже по её меркам.

– Можно, я прикоснусь к тебе? – странная просьба Карателя вызвала бы у Таннии удивление, если бы она могла чувствовать.

А так, Бездушная лишь пожала плечами.

– Хозяин никогда не спрашивал нас, – ответила она. – Если вы хотите, прикоснитесь.

Голос девушки звучал ровно, спокойно, и лишённый эмоций, он казался неестественным. Кор, казалось, не обратил внимания, медленно подняв руку. Его пальцы легко, едва ощутимо дотронулись до гладкой щеки, провели вниз, обрисовали контур губ, потом прошлись по прямому носу. Корхилл разгладил брови Таннии и вернулся к губам, внимательно за ней наблюдая.

– Что ты чувствуешь? – тихо спросил он, поглаживая их, заставляя приоткрыться от такой деликатной ласки.

– Ничего, – честно ответила Бездушная.

Силанна при этих словах едва заметно вздрогнула, на несколько мгновений оторвалась от книги и покосилась на пару с удивлением. Чтобы кто-то так говорил о прикосновениях Корхилла?! Невероятно… «Где он нашёл эту девушку?» – тут же завозилось любопытство, и Лани поспешно вернулась к книге. Потом ещё будет время пообщаться с Таннией, а пока лучше не мешать им – Корхилл явно пытается приручить новенькую.

Каратель же тихо хмыкнул, убрал руку и посмотрел на блюдо с фруктами. Выбрал половинку спелого, сочного персика и поднёс ко рту Таннии.

– Кусай, – он как-то по-мальчишески озорно улыбнулся, его зелёные глаза хитро блеснули.

Бездушная не стала ничего спрашивать, лишь послушно потянулась и аккуратно взяла зубами фрукт, подчиняясь просьбе. Но она не учла, что персик окажется слишком сочным, и сладкая жидкость потечёт по подбородку, норовя капнуть на грудь. Танния поспешно втянула дольку в рот, но облизнуться не успела – судя по вспыхнувшему взгляду Корхилла он именно на это и рассчитывал. Каратель придвинулся ближе, его указательный палец медленно стёр каплю и оказался прямо около её рта.

– Облизни, – почти шёпотом попросил он, положив вторую руку на спинку скамейки вплотную к плечам Таннии.

Она, так же молча, обхватила губами подушечку и провела по ней языком, собирая сок, а потом слегка втянула и провела губами – встретившись с потемневшим взглядом зелёных глаз, Танния прекрасно поняла, что именно представил Каратель на месте пальца. А его участившееся дыхание лишь подтвердило её догадки.

– Такая умелая, Тан, – слегка охрипшим голосом произнёс Корхилл, наклонившись совсем низко к ней, и его ладонь легла на щёку девушке, не давая отвернуться.

Впрочем, она и не собиралась этого делать, терпеливо дожидаясь, что задумал дальше Каратель.

– Можно, я тебя поцелую? – выдохнул он, тихонько погладив большим пальцем бархатистую кожу.

Танния моргнула, совсем не ожидая услышать такой вопрос от нового хозяина. Раньше её никогда не спрашивали, да и целовали вообще крайне редко. От Бездушной требовали совсем другие умения. И где-то в самой глубине сознания шевельнулось что-то, непонятное пока ей, но определённо, похожее на… чувство?.. Корхилл же мягко улыбнулся, снова погладил её губы и обнял, прижав к себе.

– Я делаю что-то не так? – тихо-тихо спросил Каратель, внимательно наблюдая за ней. – Тебе неприятна моя близость, прикосновения?

– Нет, – Танния покачала головой, поймав себя на том, что не может отвести глаз от зелёных омутов напротив.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал? – снова спросил Корхилл, его ладонь переместилась на затылок девушки, и пальцы зарылись в тёмные локоны Бездушной. – Только скажи, я отпущу, Танния. Но лично мне бы хотелось попробовать твои губы на вкус, – выдохнул он, их лица разделяло уже совсем небольшое расстояние. – Ты не против?..

– Нет, – находясь словно в каком-то трансе, ответила Танния, послушно приподняв голову и подставляя приоткрытый рот.

Кор довольно вздохнул и аккуратно прижался к нему, придерживая голову девушки за подбородок и не торопясь углублять поцелуй. Он мягко провёл языком по контуру губ, пощекотал уголок, а потом нежно втянул нижнюю, посасывая и лаская её, чутко ловя любой отголосок реакции Таннии. Сначала она сидела неподвижно, давая ему делать то, что хотел, а потом Корхилл с внутренним ликованием ощутил, как по телу Бездушной прошла волна дрожи, девушка подалась вперёд, открыв рот чуть шире. Каратель на несколько мгновений отстранился и шепнул:

– Тебе понравилось, Тан? Скажи мне, – его ладонь медленно провела по её плечу, прикрытому полупрозрачной тонкой тканью, и спустилась на грудь.

– Это было приятно, – ответила она правдиво, не опуская головы и продолжая смотреть ему в глаза.

– Хочешь, я сделаю это ещё раз? – его улыбка стала искушающей, во взгляде появились искры. – А ты ответишь, м-м, Тан? Тогда и мне тоже будет очень приятно, милая.

– Хорошо, – покорно произнесла она то, что Каратель хотел услышать.

Ей в самом деле было приятно, она не соврала, и повторить хотелось – хотя бы для того, чтобы проверить, в самом ли деле тело отозвалось на поцелуй Карателя, или показалось. Его губы снова прижались к её, только в этот раз настойчивее, язык властно раздвинул, а ладонь обхватила полушарие и мягко сжала, массируя. Танния мельком отметила, что её медленно наклоняют назад, на мягкую подушку, а потом отвлеклась на поцелуй – Каратель хотел, чтобы она ответила, а Бездушная привыкла быть послушной. Её голова чуть откинулась, тело изогнулось, подставляясь под пальцы мужчины: он уже поглаживал её грудь и сосок, красноречиво проступавший под тонкой тканью, и от прикосновений по коже гуляли щекочущие волны удовольствия. Танния включилась в игру, подавшись вперёд и шире открыв рот, довольно уверенно целуя Корхилла, и тут она поймала себя на странном желании обнять его за шею, запустить пальцы в волосы так же, как он это делал с ней несколько минут назад.

Наверное, будь она обычной девушкой, так и сделала – целовался Каратель очень хорошо, и Таннии с каждым мгновением нравилось всё больше, но Бездушная не поддалась порыву. Ей ведь не сказали, может она прикасаться к новому хозяину или нет, и лучше не смелеть прежде времени: её прошлый опыт подсказывал, это может закончиться плачевно. А Таннии не хотелось портить эти минуты, в которые она чувствовала что-то хотя бы физически. А Корхилл не останавливался, поцелуй становился жарче, настойчивее, и краем сознания Танния отметила, что пальцы мужчины ласкают её грудь уже без всякой преграды… Горячие, нежные и уверенные, они то едва ощутимо поглаживали, то мягко сжимали, причиняя острое удовольствие, и от него кожу покалывали сотни невидимых иголочек. Сосок превратился в твёрдый розовый камешек, ставший слишком чувствительным, до болезненности, и когда Корхилл в очередной раз сдавил его подушечками, Танния не выдержала и тихо вскрикнула, зажмурившись и отстранившись от его губ.

И тут же замерла, распахнув ресницы и уставившись на Карателя. А он довольно улыбался, склонившись над ней и ничуть не разозлился, что Бездушная прервала поцелуй.

– Расскажи, Тан, что ты… чувствуешь сейчас? – тем же тихим, проникновенным голосом спросил Корхилл, совсем стянув с её плеча тонкую ткань платья и гипнотизируя взглядом глубоких, потемневших до цвета мха, глаз.

Пауза в его словах не укрылась от внимания Таннии. Глубоко дыша и часто сглатывая – Каратель не прекращал своих действий, и Бездушная начала мелко дрожать от нараставших ощущений, сладких, приятных. Их хотелось продлить, они стекали юркими горячими змейками к низу живота и сворачивались там, то и дело жаля острыми вспышками и заставляя мышцы судорожно сжиматься.

– Мне… хорошо… – шёпотом ответила Тан, снова поймав себя на странном желании запустить пальцы в тёмную шевелюру Корхилла.

А ещё, хотелось прикоснуться к его лицу, погладить щёку. Ощутить тепло его кожи, шелковистость волос. Ей вообще нравилось дотрагиваться до предметов и чувствовать хотя бы на таком уровне, где-то глубоко в сознании теплилась даже не мысль, отголосок, что из её жизни пропал очень важный и ценный кусок, который она никак не может вспомнить. Вдруг этот человек, её новый хозяин, Каратель, поможет ей в этом, на самом деле?

– Тогда на сегодня хватит с тебя сильных ощущений, – неожиданно произнёс Корхилл и выпрямился, заботливо прикрыв её грудь полупрозрачной тканью.

Конечно, всё равно напрягшиеся бугорки сосков провокационно просвечивали сквозь неё, и дыхание Бездушной никак не желало успокаиваться, отчего грудь высоко поднималась. Но она послушно села, сложив руки на коленях, и выжидающе посмотрела на нового хозяина. Краем глаза Танния отметила, что та девушка, Силанна, бросила читать и смотрела на них широко раскрытыми глазами, её рот приоткрылся, а губы были влажными и сочными, словно она их покусывала. Девушка явно наблюдала за происходящим, и её ладонь была крепко зажата между коленями.

– Давай, пройдёмся по Дворцу, я покажу его тебе, – как ни в чём не бывало, предложил Корхилл, поднявшись и протянув руку Таннии. – А потом вернёмся и пообедаем, идёт?

– Как скажете, – послушно наклонила голову Бездушная и ухватилась за его ладонь, поднявшись со скамейки.

– Силанна, идём с нами? – неожиданно пригласил вторую девушку Каратель и оглянулся на неё.

Та просияла, радостно улыбнулась и отложила книгу, поспешно встав с дивана.

– Спасибо, Корхилл! – она остановилась рядом, заглянув ему в лицо и словно дожидаясь чего-то.

Каратель обвил талию Таннии, прижав её к себе, а другую предложил Силанне – она с явным удовольствием положила узкую кисть на локоть мужчины.

– Ну, начнём, пожалуй, с озера, – заявил Корхилл и направился к выходу из сада. – Тан, ты умеешь плавать? – неожиданно спросил он Бездушную. – Там есть отличный пляж, уединённый и закрытый, а вода в озере очень тёплая, – понизив голос, добавил Каратель, и в его словах Таннии почудился какой-то другой подтекст.

Она покосилась на нового хозяина, наткнулась на его улыбку и чуть прищуренный взгляд, и поняла, что правильно угадала крывшийся в них намёк.

– Я не знаю, умею ли плавать, – честно призналась Тан. – Место, где я жила раньше, было далеко от воды.

– Что ж, не беда, проверим, – невозмутимо кивнул Корхилл. – Выход к озеру через общий холл, туда выходят двери всех покоев Карателей… – начал он рассказывать, когда они вышли из сада в крытую галерею с красивыми стрельчатыми окнами, украшенными витражами.

Танния смотрела по сторонам, рассматривая расписанные яркими красками стены, удивительно тонкую и красивую резьбу по камню – словно кружево, хрупкое и казавшееся прозрачным, – мозаику на полу и стенах, ажурные арки, многочисленные растения в кадках, и ловила себя на том, что ей нравится то, что она видела. Здесь всё было живое, дышало и искрилось, лёгкие сквознячки колыхали полупрозрачную тюль, которой были завешены некоторые дверные проёмы, сквозь окна лился мягкий солнечный свет, отражаясь в отполированном мраморе и камне. Красота Дворца Карателей по сравнению с мёртвым, застывшим очарованием Костяной Башни, где Танния жила до того, как её привели сюда, выглядела гораздо ярче и привлекательнее. Бездушная ощутила, как в груди что-то странно сдавило, так, что она даже чуть не поперхнулась порцией воздуха. Корхилл рассказывал про Дворец, но Тан его почти не слушала, поглощённая собственным непонятным состоянием. Она покосилась на

всё так же улыбавшуюся Силанну, не сводившую с Карателя восторженного взгляда, посмотрела на мужчину – а он и не смотрел на вторую спутницу, его глаза не отрывались от Таннии.

– Нравится здесь? – спросил он, прервав свой рассказ.

– Здесь красиво, – искренне призналась Танния – они свернули в ещё одну галерею, украшенную тонкими витыми колоннами.

– Только не броди тут одна, во Дворце легко заблудиться, если не знаешь, что где, – попросил Корхилл. – Бери кого-нибудь из моих девочек, они рады будут подружиться с тобой и показать, да, Лани? – Каратель повернулся к Силанне.

– О, конечно, с удовольствием! – закивала она. – Тан, я тебя с другими тоже познакомлю, когда вернёмся, можно, правда? – девушка снова посмотрела на Корхилла.

– Можно, да, – согласился Каратель. – Танния, ты не против поужинать сегодня со мной в моих покоях? – обратился он к Бездушной.

И опять она никак не ожидала от него подобной просьбы. Она вообще не привыкла, что хозяин спрашивает её мнения, но следовало побыстрее привыкнуть к изменениям. Хочет ли она поужинать с Карателем? Он её хозяин, об этом не стоило забывать, и даже если ему в самом деле было интересно её мнение, наверняка, задавая этот вопрос, Корхилл рассчитывал на совершенно определённый ответ. И если Танния ответит по-другому, настроение нового хозяина может измениться – ведь прежний очень не любил слышать «нет» от своих игрушек, только если сам не просил об этом.

– Я согласна, – ответила Тан так, как хотел Корхилл.

Судя по его довольной улыбке, она угадала.

– Отлично. Силанна, раз вы подружились, я хочу, чтобы ты помогла Тан собраться, – снова обратился он ко второй девушке. – Подбери ей платье, пока у неё своих нет, и что-нибудь из украшений.

– Я всё сделаю, Корхилл! – заверила его Лани, но почему-то Таннии подумалось, она не очень рада полученному заданию.

Бездушная бросила на девушку быстрый взгляд, и хотя та по-прежнему улыбалась, Танния подметила притаившуюся в самой глубине глаз грусть. Но Силанна не возражала почему-то. И когда Корхилл целовал Тан в саду, тоже не ушла, а смотрела. Танния не сомневалась, что после ужина останется в покоях Карателя, иначе зачем ему звать её с собой?

– А вот и озеро, – известил он, выходя на мраморное полукруглое крыльцо.

Перед ними расстилался пляж из белоснежного песка, чуть впереди – спокойная, прозрачная водная гладь, в которой отражался остров и Собор. Танния смотрела на открывшееся величественное зрелище немного отстранённо, потом сделала шаг вперёд, потом ещё один, и ещё – пока не спустилась со ступенек прямо на песок. Она не видела, как внимательно Корхилл наблюдал за ней, казалось, позабыв о стоявшей рядом второй девушке, не видела, как Силанна, чуть отвернувшись, резко перестала улыбаться и прикусила губу, опустив ресницы – на них блеснула бриллиантовой искрой слеза. Танния шла вперёд, к воде, рассматривая Собор и его отражение, осознав вдруг, что не может отвести глаз от открывшейся картины. Тишина и покой этого места окутывали невидимым покрывалом, хотелось закрыть глаза и глубоко дышать, а потом снова открыть и смотреть на Собор. Воздушное каменное кружево, изящные арки и цветные стёкла в окнах, зелень, окружавшая строение – всё вместе составляло гармоничный ансамбль, созерцать который Таннии нравилось.

Бездушная остановилась у самой кромки, на время даже позабыв, что не одна здесь. Шагов за спиной девушка не услышала, и лишь когда вокруг талии обвились сильные руки, очнулась от созерцания и вернулась в настоящее.

– Что ты чувствуешь, Тан? – настойчиво шепнул ей на ухо Корхилл, положив подбородок на плечо. – Как тебе озеро, Собор?

– Собор красивый, – тихо ответила Бездушная. – Мне нравится. Я раньше таких зданий не видела.

Вряд ли в ней проснулись какие-то чувства, это Каратель преувеличил, конечно, но… возможно… если она будет приходить сюда часто… Таннии хотелось прийти

сюда ещё раз одной, постоять и просто посмотреть на озеро и на Собор.

– А ночью ещё красивее, – бархатным голосом произнёс Корхилл, и его губы скользнули по щеке Таннии, а ладонь погладила грудь, чуть сжав её. – Я покажу тебе, Тан.

– Хорошо, – послушно согласилась девушка.

Возможно, он приведёт её сюда даже сегодня ночью, после ужина.

– Пойдём, прогуляемся дальше по Дворцу, – Корхилл отстранился, но его рука осталась лежать на её талии.

Остаток прогулки не принёс сюрпризов – Танния поймала себя на том, что раз за разом уходит в воспоминаниях к тому пляжу у озера, и мало обращала внимания на красоты вокруг. Они вернулись в покои Корхилла, и там, на столе, лежал листок, на котором что-то было написано. Каратель поднял брови, взял послание и пробежал его глазами.

– Девушки, оставляю вас, – он улыбнулся и повернулся к ним. – Меня зовут на встречу, я сегодня обедаю с другими Карателями. Не заскучаете? – взгляд зелёных глаз поочерёдно задержался на Таннии, потом на Силанне.

– Нет, Корхилл, конечно, – с ответной улыбкой произнесла последняя, Бездушная промолчала.

– Вот и отлично, – он кивнул. – Лан, займись пока гардеробом Тан, хорошо? Помоги ей.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Всё сделаю, как скажешь.

– Тогда до вечера, – Корхилл подошёл к Таннии и взял её за руку, тихонько погладив тонкие пальцы, потом поднёс ладонь к губам и нежно поцеловал. – Только не выходи из Дворца, ладно? – мягко попросил он. – Ты города не знаешь, и пока не освоилась здесь толком.

– Да, Корхилл, – Танния наклонила голову.

– Ну всё, тогда я пошёл, – Каратель отпустил руку Бездушной и направился к выходу из покоев.

Силанна посмотрела на новую знакомую.

– Ну что, давай займёмся твоей одеждой? – предложила она непринуждённо и потянула Тан за собой. – Сейчас позову экономку и портниху. А потом можем познакомиться с другими девочками! – жизнерадостно добавила она.

Бездушная молчала, не возражая. Ей было всё равно, чем занять время, только мысли нет-нет, да возвращались к озеру. Там бы она посидела, полюбовалась ещё видом и Собором. Наверное, он внутри такой же красивый, как и снаружи. «Может, попросить Корхилла показать и его? А вдруг мне нельзя туда?» – отстранённо подумала Танния и решила оставить этот вопрос до вечера.

Шиарра мерила шагами гостиную в отведённых ей покоях и никак не могла справиться с эмоциями. Разговор с Аллардом лишь укрепил подозрения в том, что эта Финира – нечто особенное для него, не просто гостья, как он утверждал. И это его предупреждение… Первый раз она слышала от него что-то, похожее на угрозы. Раньше Каратель держался с ней хоть и вежливо, но отстранённо, и даже после близости никогда не оставался в её спальне, сразу уходил. А Шиарра готова была после всплеска чувств, впитав в себя чужое и избавившись от него во время секса, доставить Алларду настоящее удовольствие, без примеси лишних эмоций. А он уходил… Просто уходил и всё. Держал её на расстоянии, наверняка догадываясь о чувствах девушки, но они ему были не нужны, судя по всему. Шиарра тихо всхлипнула, запрокинув голову и не давая слезам скатиться по щекам – своих слёз она не показывала никому.

– Кто ему эта девушка, почему он так о ней заботится? – пробормотала Шиарра, ревность жгла ей грудь, не находя освобождения, и хотелось кричать и швыряться об стену чем-нибудь хрупким, чтобы осколки брызнули во все стороны.

Как её разбитое сердце, которое не склеить больше никогда. Она пыталась отвлечься в городе – строгого запрета на выход из Дворца у девушек, конечно, не было. Если они требовались Карателю, а кого-то нужного вдруг не

оказывалось на месте, простенький камень на кольце, которое имелось у всех, входивших в гарем, начинал ярко сверкать, а само украшение нагревалось. Поэтому девушки старались не уезжать далеко, чтобы в случае чего быстро добраться обратно во Дворец. А Шиарра и не хотела особо удаляться отсюда, выискивая любую возможность если не побыть рядом с Карателем, то хотя бы понаблюдать за ним издалека. Хорошо хоть, Аллард никого из других девушек в гареме не выделял особо, да и было их всего четыре вместе с самой Шиаррой. Её Каратель не спешил дополнять гарем до нужного количества, к тайной радости девушки. И остальные сохраняли с Аллардом в лучшем случае вежливые, дружеские отношения. Но эта Финира…

Шиарра ещё покружила по гостиной и решила попробовать узнать что-нибудь о новенькой у других – вдруг кому-то что-то известно? Можно, конечно, сразу Чали позвать, но после предупреждения Алларда Шиарра опасалась обозначать свой интерес к Финире, а экономка наверняка наябедничает. Наверное. Её стоило оставить на самый крайний случай, если из других источников не получится выведать ничего. Глянув на себя в зеркало и утерев всё же скатившуюся из уголка глаза слезинку, Шиарра вышла из своих покоев и направилась к одному из внутренних двориков, проверить, вдруг кто-то из девушек там отдыхает.

Садик оказался пуст, раздосадованная Шиарра, немного подумав, решила посетить Рахину – от неё Аллард вышел днём, когда они встретились. Замков на дверях покоев не было ни у кого, и Шиарра, негромко постучавшись, но не услышав ответа, тихонько вошла. Гостиная оказалась пуста, и раздражение девушки усилилось: вот где эта Рахина, когда она нужна?! Ведь она почти всё время сидит здесь и куксится, и Шиарра искренне не понимала, почему: Аллард видный мужчина, и с ним очень приятно находиться вместе. Особенно если у него хорошее настроение и после обязательного секса под влиянием чужих эмоций он остаётся ещё… Шиарра подавила очередную вспышку ревности. Она слышала такое от других девушек, иногда Каратель не уходил сразу после первой близости – а вот ей настолько не везло. Шиарру Аллард покидал почти сразу, чуть ли не сбегал.

Девушка заглянула в спальню, не обнаружила Рахину и там, и уже собралась уходить, как заметила приоткрытую дверь в дальней части комнаты, в ванную. Шиарра решительно направилась туда, постучалась и услышала наконец тихий голос хозяйки покоев.

– Войдите.

Гостья нацепила на лицо жизнерадостную улыбку и переступила порог просторной купальни. Украшенные мозаикой стены, небольшое окно под потолком с витражными цветными стёклами, бассейн, в который вливался журчащий ручеёк из стены, плавающие на воде лепестки цветов и горевшие свечи, источавшие сладковатый, фруктовый аромат – похоже, Рахина отдыхала. Сама девушка лежала в бассейне, откинув голову на бортик и прикрыв глаза, и даже не посмотрела на вошедшую. Судя по отрешённому лицу, она пребывала глубоко в мыслях, и совсем не весёлых.

– Привет, Рахина, – поздоровалась Шиарра, присев на край и проведя пальцами по воде.

– Привет, – отстранённо поздоровалась Рахина, приоткрыв глаза. – Ты что-то хотела?

– Ну… Скажи, ты что-нибудь знаешь об этой новенькой, Финире? – как можно непринуждённее спросила Шиарра, с трудом удержав дружелюбное выражение на лице.

Глава 6

– Финира? Нет, – Рахина покачала головой, без всякого интереса выслушав гостью. – А у Алларда появилась новенькая? – в голосе девушки проскользнула надежда.

«Дура, – мысленно поморщилась Шиарра. – Такой мужчина, а она страдания изображает!»

– Да, я видела мельком, мне вот и интересно, что за девушка, – она небрежно махнула рукой. – Они сразу ушли куда-то, – зачем-то добавила Шиарра.

– Может, Чали знает, – Рахина снова прикрыла глаза, вернув на лицо отстранённое выражение. – Она уж точно общалась с ней. А вообще, Аллард же не собирался в ближайшее время принимать новых девушек, – пробормотала она немного рассеянно. – Может, просто гостья?

– Может. Ладно, отдыхай, – Шиарра поспешно попрощалась и вышла из помещения.

Мда, видимо, придётся всё-таки с экономкой разговаривать. Ну, тут можно изобразить интерес и участие, и желание помочь новенькой освоиться – тогда Чали не заподозрит ничего, может быть. А Каратель… Шиарра решительно направилась к выходу из покоев Рахины. Она убедит его, что не желает зла новенькой, приложит все усилия. Если понадобится, Ши даже была готова поиграть в дружбу с ним, показать, что смирилась с положением вещей и больше не будет навязываться со своими безответными чувствами. Только придётся очень, очень постараться.

Шиарра упрямо нахмурилась. Она справится. В конце концов, капля камень точит, а любому мужчине нужны тепло и любовь, как бы Аллард не строил из себя неприступного. Ведь всё равно Карателю не создать нормальной семьи, это всем известно, обычная женщина ему не подойдёт – кто согласен терпеть гарем у своего мужа, пусть даже он ему нужен не для развлечения?.. А легенды о спутнице, способной впитывать все чувства сразу, это всего лишь легенды. Девушка вернулась к себе, бросив рассеянный взгляд на видневшийся из окна Собор и изящный, ажурный мост к нему, и позвала Чали, дёрнув шнур звонка. Экономка пришла быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/strel-nikova_kira/bezdushnaya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити